

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ИЗ СЕРИИ **Опустошение**

Опустошение

ОТЕМ ГРЕЙ

vk.com/kn_books

Селена Майклз твердо решила, что больше никто и никогда не заставит ее почувствовать себя униженной. После крайне болезненного развода, она оказывается в командировке в Париже и надеется, что это именно тот шанс, которого она так ждала. Она хочет развлечься и, возможно, даже с кем-нибудь пофлиртовать. С кем-нибудь, с кем можно приятно провести время и кто будет бережно к ней относиться, кто пробудит то, чего в ее жизни всегда не хватало. Чего она не ожидает, так это встречи с Ремингтоном Сен-Жерменом и его очаровательным сыном Адрианом. Ремингтон сказочно красив, силен и невероятно сексуален, но за закрытыми дверями он дьявольски ненасытен и любит говорить непристойности. Он — полная противоположность мужчине, которого мечтала встретить Селена, и к тому же Ремингтон всегда добивается желаемого. Вскоре Селена понимает, что жить с Ремингтоном не только интересно, но и рискованно. Жить с ним опасно, и у нее будет шанс узнать насколько опасно... Если ей хватит смелости рискнуть и попробовать.

ОПУСТОШЕНИЕ

Автор: Отем Грей

*Люблю твою фигуру — она сексуальна. Гордись своей фигурой.
Ремингтон Сен-Жермен*

*Единственный способ избавиться от искушения — поддаться ему.
Оскар Уайлд*

19 месяцев назад...

Селена Майклз

Когда я проснулась сегодня утром, у меня сложилось ощущение, что моя жизнь скоро кардинально изменится. Хотелось бы мне знать насколько сильно все может измениться.

Я медленно обвела взглядом гостиную, пытаюсь отвлечься от конверта, лежащего на кухонном столе.

Я чувствовала безнадежность, разбитое сердце болело. Эти два чувства сметали ураганом все на своем пути. Мое сердце забилося чаще, когда я слышала как Джеймс, мой будущий бывший муж, тяжело ступая, ходит по второму этажу. И, наконец, не в силах откладывать неизбежное, я открыла конверт и уставилась на бумаги.

Последние несколько лет были наполнены душевной болью, и я стала зависеть от Джеймса. Интересно, есть ли у моего терапевта лекарство от глубокой печали, так как она не рассказала мне, как остановить эту бесконечную боль от потери моей единственной надежды спасти этот брак.

Я прижала руку к животу, где всего несколько месяцев назад зарождалась новая жизнь, и боль потери снова накрыла меня с головой. Все, чего мне хотелось, это запереться в комнате и принять какое-нибудь лекарство, которое унесет меня из этого мира хотя бы на несколько часов или дней. Не то чтобы это могло помочь. Никогда не помогало.

Господи, о чем я вообще думаю? Только из-за того, что жизнь сбила меня с ног, я не собираюсь лежать, свернувшись калачиком в темном углу, и умирать. Я потратила половину жизни в борьбе за то место, где сейчас нахожусь, вовсе не для того, чтобы провалиться в конце. Я не готова признать поражение.

Я выпрямилась, когда Джеймс спустился по ступенькам, неся большую коричневую коробку. Я изучала мужчину, который до недавнего времени был для меня всем. Светлые волосы, тщательно зачесанные назад, и льдисто-голубые глаза. Когда он прикасался ко мне, во мне вспыхивало непреодолимое желание, которое умел вызвать только он.

Джеймс. Красавец Джеймс.

Но ничего уже не вернуть. Он принял окончательное решение.

Я схватила ручку со стола, напрягла руку, чтобы та не дрожала, и поставила свою подпись над чертой.

— Это все? — спросила я его, заставив себя встретиться с ним взглядом, и подтолкнув конверт и бумаги к нему.

Он кивнул, приподнимая брови, словно обдумывал что-то.

— Я договорился с агентом по недвижимости, он заедет оценить дом.

Мне показалось, что он хочет что-то сказать. Но он просто обошел вокруг стола, взял бумаги и поцеловал меня в лоб.

— Прощай, Селена.

Развернулся и ушел, ни разу не обернувшись, и унес с собой шесть лет брака.

Воздух покинул мои легкие. У меня не получилось убедить его остаться. Мне казалось, что я распадаюсь на части, и весь мир кружится вокруг меня. Неожиданно все затмила ярость. Я будто горела в огне, когда махнула рукой и смела чеки со стола. Затем я

направилась в гостиную, схватила серебряную фоторамку с тумбы, стоящей у телевизора, и сквозь пелену горячих слез уставилась на фотографию. На ней была я в день свадьбы, в белом платье, с любовью глядящая на Джеймса, но его взгляд не был сконцентрирован на мне. Я не замечала эту крошечную деталь до сегодняшнего дня. Если я правильно помню, моя лучшая подруга Джена стояла за мной. Джена, с длинными темными волосами и стройным телом стала причиной того, что Джеймс ушел от меня. Он сам признался в этом, когда пришел сюда час назад. Я швырнула рамку через всю комнату и наблюдала, как стекло расколосось на миллионы мелких кусочков. Я продолжила сметать все, что попадалось мне на глаза, злясь на него, на себя и даже на Бога за то, что он забрал моего ребенка. Я была зла на весь этот чертов мир.

Мне казалось, что я знаю, что такое боль, но последние два года, показали мне, как я заблуждалась. Неожиданно я почувствовала острую боль в груди, и она росла, и росла до тех пор, пока я не перестала дышать. О Господи, я не могу дышать.

Мне нужен кислород.

Мне нужен кислород!

Слепо про шаркав к ближайшему дивану, я присела, подтянула колени к груди и положила на них голову, а затем начала делать глубокие вдохи, как учила меня мой терапевт. Вскоре я почувствовала, как сердцебиение замедляется, и кровь снова возвращается к моей голове.

Несколько минут спустя, я подняла голову и вытерла мокрые щеки рукавом свитера, чувствуя себя полностью истощенной и физически, и морально. Я взяла сонограмму со стола, куда положила ее сегодня утром, и, глядя на нее, водила пальцем по крошечной тени на ней.

Моя дорогая малышка Инес.

Я ощутила, как воздух снова покинул мои легкие. Нет, я не собираюсь паниковать. Я вскочила с дивана и отправилась наверх, решив заняться единственным, что помогает мне не сойти с ума в такие моменты, как этот.

Переделась в шорты и футболку для пробежки, но в этот раз мне не нужен был мой айпод, чтобы скрасить пробежку. Мне хотелось, чтобы хаос в моей голове исчез, рассеялся в прохладе вечера, и я надеялась, что ночь поглотит его навсегда.

Как только дверь за моей спиной захлопнулась, я побежала, шурясь от горячих слез, застилающих глаза. Маршрут я знаю наизусть, так что я просто побежала вперед. Именно там я дала себе обещание.

Это моя жизнь. Со всеми ее взлетами и падениями, когда ты поднимаешься с самого дна и отряхиваешься от пыли. Я уже проходила через это раньше, и я сделаю это снова.

Да, мое сердце разбито, но я не умираю. На самом деле, возможно, жизнь дарит мне еще один шанс. Еще одну возможность начать все заново. И я ни за что не позволю горечи и поражению управлять мной.

Сегодня...

Селена

Ах, Париж... Город любви, огней и огромных возможностей.

Стоя в холле отеля «Л'Арк», где мне предстояло провести следующие три месяца, я улыбнулась. Я чувствовала себя удовлетворенной. Учítывая, где я была девятнадцать месяцев назад, моя жизнь кардинально изменилась в лучшую сторону.

Долгие месяцы после моего развода были сплошным пятном непрерывных тренировок, в попытках восстановить форму и вернуться к модельной карьере. Если и существует город, способный заставить забыть все мучившее меня дерьмо, так это Париж. Я приехала сюда и по работе, и чтобы развлечься, и была серьезно намерена хорошенько повеселиться. Только потому, что отношения между мной и Джеймсом сложились неудачно, я не собиралась отказываться от романтических отношений. Ну и вдобавок к этому, мой терапевт, моя семья, и сама я очень многое сделали для того, чтобы я оказалась сегодня здесь.

Как сказала моя сестра Марли со слезами на глазах после того, как крепко обняла меня и подтолкнула в сторону выхода на посадку:

— Иди за радугой, Селена. Может быть, ты найдешь горшочек с золотом, ну или очень горячего лепрекона.

Я снова улыбнулась, вспомнив все это, и повернулась к суетливому администратору, который вернулся из подсобного помещения с хладнокровным выражением лица. Блаженство, в котором я пребывала с тех пор, как мои ноги ступили на землю Франции, испарилось. Я очень удачно забыла о тех идиотах, которые умудрились потерять мою бронь. И теперь мне негде было провести ночь. Я все еще ждала, что Эндрю, мой представитель в модельном агентстве «Сара Арден» здесь в Париже, перезвонит мне после того, как я оставила несколько сообщений на его голосовой почте.

Я молилась, чтобы отменилась какая-нибудь бронь, и для меня нашелся номер. Смена часовых поясов уже начинала сказываться на мне, а утром у меня будет много дел и нужно хорошенько выспаться.

— Для меня есть сообщения? — спросил глубокий голос, выводя меня из задумчивости.

Я выпрямилась, когда услышала хриплые нотки в этом голосе. Оглянулась и на минутку даже забыла, что мне негде ночевать, когда мой взгляд натолкнулся на стоящего возле меня высокого мужчину, одетого в черное пальто и джинсы. Его глаза слегка округлились, как будто он удивлен или шокирован видеть меня, стоящую здесь. Выражение удивления почти мгновенно исчезло с его лица, но настойчивость во взгляде стала только сильнее. Он нахмурился, будто пытаясь вспомнить что-то. Или он был в замешательстве?

Я не могла отвести от него глаз. Высокого роста, с темными, слегка волнистыми волосами, которые завивались на затылке, высокими скулами и рельефным подбородком, слегка покрытым щетиной. Темные брови и длинные заостренные ресницы, обрамляющие изумрудно-зеленые глаза, взгляд которых был пристально сконцентрирован на мне. По его лицу невозможно было понять, о чем он думает. Ну и, наконец, у него были пухлые губы. Сексуальные и манящие поцеловать их — только это пришло мне в голову, когда я смотрела на его губы.

Мой взгляд проследовал ниже, и я увидела, как пальто обтягивает его широкие плечи, а голубые джинсы облегают мускулистые бедра.

Мать твою, какой горячий мужик.

И какого черта он уставился на меня и не отводит взгляд? Как будто я изысканное лакомство, например крем-брюле, хотя я видела, что он дожидаться не может, чтобы отойти от меня подальше. Странно. Крем-брюле ведь обычно наоборот быстро съедают, разве нет?

Мне, как модели с 46 размером, было не привыкать, что люди подолгу меня разглядывают в восхищении или иногда со скрытым отвращением. Но я не увидела на лице мужчины ни того, ни другого. Я знала, что не всякому нравятся такие полноватые женщины, как я.

Я обеспокоена неизвестностью, скрывающейся за этими зелеными глазами, равно как и своим влечением к этому мужчине. Я частенько слышала, как некоторые рассказывали, что они встретили кого-то, и в этот момент земля завертелась у них под ногами или случилось какое-то другое гравитационное дерьмо. Это не было чем-то похожим, это скорее напоминало воссоединение двух сердец.

Я заметил ее в первые же пять секунд.

Она стояла у стойки. Высокая, где-то около 170см. Ее иссиня-черные волосы буйными кудрями рассыпались по спине. Они притягивали мое внимание как маяк. Мои пальцы сжались в кулак от желания пропустить эти локоны сквозь пальцы. Она переступила с ноги на ногу, и мой взгляд скользнул ниже и прошелся по всем изгибам ее тела.

Черт возьми!

У Бога действительно была причина поместить эту женщину на Землю. У нее были пышные изгибы и убийственные ноги, из-за которых мой член бесстыдно напрягся. Она была опасно сексуальна, стоя вот так, выставив вбок одно бедро. Уверен, что вид спереди не менее сексуальный и опасный, чем сзади.

— Она прекрасна, не так ли? — раздался справа от меня голос.

Я перевел взгляд на мужчину сбоку от меня, и узнал одного из студентов, посещающих Симпозиум Искусств. Он посмотрел на меня, но выражение моего лица быстро стерло его улыбку.

Он прочистил горло, и нервно улыбнулся:

— Великолепный семинар, мсье Сен-Жермен.

Я коротко кивнул ему и пробормотал:

— Спасибо.

Он резко повернулся и спешно растворился в толпе, стоящей в холле. Я снова сосредоточился на женщине, которая теперь стояла, опираясь на стойку перед ней, и постукивала ногой. Сжав портфель в руке, я размашистыми шагами направился к стойке регистрации.

Администратор нервно топтался перед женщиной, пока не заметил меня и с выражением облегчения на лице бросился ко мне.

— Для меня есть сообщения? — спросил его я, глядя на женщину с пышными формами, которые могли заставить меня совершить все семь смертных грехов одновременно. Я уже вождедел ее, хотя она даже не посмотрела в мою сторону.

Дерьмо! Фантастическое тело этой женщины напомнило, как давно у меня не было секса.

— Нет, мсье Сен-Жермен, — ответил администратор по-французски.

Я кивнул, наконец-то, сосредоточив все свое внимание на ней, и в тот же момент она подняла голову и повернулась.

Все во мне застыло, когда я увидел черты ее лица. Огромные карие глаза. Высокие скулы. Прямой нос со слегка вздернутым кончиком. Ее губы казались мягкими и пухлыми, и даже с того места, где я стоял, я видел, что они могут свести с ума любого мужчину.

Я не мог дышать; влечение и замешательство затеяли борьбу внутри меня.

Это что, какая-то шутка? Или может быть у меня галлюцинации? Как такое возможно, чтобы один человек был так похож на другого?

Я моргнул, мой взгляд прояснился и я увидел, как она выпрямилась, тщательно изучая каждый дюйм меня, как только что ее изучал я. Я выдохнул, и, стряхнув недоумение, заставил себя сосредоточиться. Она определенно не призрак из моего прошлого.

Ее лицо без макияжа безусловно, роскошная смуглая кожа напоминает о теплой

карамели, в отличие от бледного лица, преследовавшего меня долгие годы.

Она полнее, выражение лица добрее, а глаза кажутся скорее зелеными, нежели карими.

Кроме того, я не верю в существование призраков. Эта женщина живая, настоящая. А призраков из своего прошлого я похоронил еще пять лет назад.

Это нелепо. Мой разум продолжает шутить со мной. Возможно, мне необходимо посетить психиатра.

У нее такие красивые глаза, подернутые легкой дымкой печали, но едва наметившиеся линии в уголках рта, указывают на то, что она часто улыбается. Эта женщина — загадка.

Она облизнула губы. Было ясно, что из-за моего пристального внимания она занервничала, но я, тем не менее, не мог отвести от нее глаз.

— Могу я чем-нибудь вам помочь? — нахмурившись, спросила она по-французски. Ее сексуальный голос с придыханием вызвал прилив крови к моему члену. По тому, как она говорила, я сделала вывод, что она не француженка. Но мне, черт возьми, хотелось, чтобы она произнесла что-нибудь еще.

Как я мог чувствовать подобное, если всего несколько мгновений назад думал, что она призрак из прошлого? Что она женщина, которая принесла в мою жизнь только опустошение и практически уничтожила меня.

Я прочистил горло.

— Как вас зовут? — не удержавшись, спросил я, подходя на несколько шагов ближе.

— Селена, — ответила она этим своим чудесным голосом. — Селена Майклз.

— Селена Майклз, — повторил я, смакуя ее имя на языке. — Судя по вашему акценту, вы не француженка.

И это все, что ты смог придумать? Я потряс головой, полный отвращения к самому себе, и проклял себя за то, что в последние год или два практически ни с кем не встречался.

— Я американка.

Дерьмо! Мне необходимо успокоиться или я до смерти ее напугаю.

Мой взгляд задержался на ее верхней пухлой губе. Желание прикоснуться, попробовать на вкус и укусить эту губу вынудило меня подойти к ней еще ближе. Ее глаза широко распахнулись, она перевела взгляд на мои губы и почти сразу снова посмотрела мне в глаза.

Вот как. Значит, мы оба испытываем неожиданное взаимное влечение, если можно считать, появившийся на ее щеках румянец, признаком влечения.

Мужчина выдохнул и открыл рот, собираясь сказать что-то, но группа молодых парней и девушек остановилась прямо перед ним, не дав ему сказать то, что он хотел. Он перевел взгляд, приветствуя их, а затем его глаза снова вернулись ко мне.

Мсье Сен-Жермен — это загадочное имя очень ему шло. Не обращая внимания на его необщительность, одна из девушек в группе заговорила с ним, и прикоснулась рукой к его руке, пытаясь привлечь внимание. А когда он не отреагировал на это и продолжал смотреть на меня, она затихла и тоже посмотрела в мою сторону. Группа вскоре ушла, оставив меня и мистера высокого-мрачного-красавца играть в гляделки.

В конце концов он отвел взгляд, посмотрел вниз на свои черные модельные туфли и провел тонкими сильными пальцами по волосам, прежде чем отвернуться и зашагать прочь уверенной походкой. Он казался заносчивым со своей нетерпимостью, слишком уж он командовал окружающими. Несколько человек встали на его пути, протягивая руки для приветствия, и он приостановился на несколько секунд, чтобы пожать руки.

Его пальто было довольно длинным и скрывало половину тела, но намек на подтянутую задницу под этими джинсами все же был заметен.

Вау! Вот это мужчина.

— Кто этот человек? — спросила я у администратора.

Он улыбнулся, расслабился и был готов выдать любую информацию, поскольку внешность Сен-Жермена отвлекла мое внимание от того, что мне негде провести ночь. Эндрю забронировал мне номер давным-давно, но почему-то оказалось, что я все же не зарегистрирована.

— Мсье Сен-Жермен, да? Он известный художник здесь у нас, во Франции, — в его глазах засветилось явное обожание.

Ага, понятно.

— Так вы обсудили с вашим начальством проблему с моей бронью?

— Мне очень жаль, мадам Майклз, — повторил администратор, и его слова мгновенно уничтожили мое оптимистичное настроение. Он бросил взгляд через плечо в сторону подсобного помещения, возможно, надеясь, что его начальник материализуется и спасет его. Затем вздохнул и повернулся ко мне.

— Он все еще на встрече, мадам.

Где, черт возьми, Эндрю?! Я работала с ним во время своих предыдущих модельных проектов, но подобное случилось впервые.

Я расстроено вздохнула.

— Не могли бы вы обзвонить ближайшие отели и проверить есть ли у них свободные номера на ночь?

Он кивнул, быстро подвинув к себе телефон, который как раз в этот момент начал звонить. Пока он несколько минут разговаривал по телефону, легкий румянец окрасил его щеки.

— Мсье Кармайкл, — сообщил он, и переместился к другому концу стойки, бросая на меня обеспокоенные взгляды, как будто я могла его укусить.

Умный мальчик. Я устала и была раздражена. Вполне могла бы и укусить.

Не успела я прижать телефон к уху, как услышала Эндрю, грязно матерящегося на

французском языке. Я дождалась, пока он прервет свою тираду, перед тем как заговорить самой.

— Селена?

— Слава Богу, Эндрю, — я обернулась и оглядела переполненный холл, отмечая для себя, что у каждого был портфель подобный тому, какой был в руках у Сен-Жермена. — Что происходит?

Эндрю тяжело вздохнул.

— Криворукие ублюдки. Я получил твои сообщения. Меня задержали в Лионе, и боюсь, я не вернусь до завтрашнего утра. Ты в порядке? Как долетела?

— Хорошо. Просто немного устала, — вздохнула я утомленно. После восьми часов полета, все, чего мне хотелось, это принять душ и лечь спать.

— Мне очень жаль, Селена, что так получилось с отелем. Слушай. Я сейчас сделаю несколько звонков и перезвоню тебе через пять минут, хорошо, детка?

— В сложившихся обстоятельствах я готова спать где угодно. Я слишком устала, чтобы привередничать.

И несколько секунд спустя я вернула телефон администратору.

— Я буду в баре, если перезвонит мистер Кармайл, — я повернулась к выходу, не в настроении обсуждать что-либо.

Заказав себе коктейль Манхеттен, я откинулась на спинку стула, чувствуя, насколько сильно все же события последних месяцев повлияли на меня: развод, продажа нашего с моим бывшим мужем, Джеймсом, дома, переезд к родителям из-за того, что я была полностью опустошена, сеансы терапии и, наконец, эта поездка в Париж.

Я покачала головой, отодвинула эти воспоминания на задний план, решив сосредоточиться на ближайших неделях. Возможно, понадобится некоторое время, чтобы вспомнить и освоиться в модельных показах после столь продолжительного отсутствия. Последние пару месяцев я усердно тренировалась, возвращая себе былую форму. У меня впереди всего три месяца, затем я вернусь в Нью-Йорк. И я не собираюсь потратить их, терзаясь сомнениями. Это будет только мое время.

— Вам звонят, мадам Майклз.

Я повернулась и увидела бармена, который обслужил меня минуту назад. Он вручил мне телефон, а его глаза с одобрением блуждали по моему телу сверху вниз, повышая мою уверенность в себе. Не то чтобы мне нужно было какое-то одобрение, но довольно приятно ощущать на себе взгляд незнакомца, дающий понять, что я хороша. Жизнь в тени человека, унижающего тебя, не проходит бесследно, и в итоге ты начинаешь верить в свою никудышность.

Джеймс был мастером унижительных оскорблений, замаскированных таким образом, что любой услышавший принимал их за лесть. Он ни разу не поднял на меня руку, но его слова ранили не меньше.

— Хорошие новости, Эндрю? — спросила я, подталкивая свой коктейль к середине стойки и опираясь на локти.

— В городе сейчас торговые выставки и съезды. Сожалею, но мне не удалось найти ни одного приличного отеля для тебя.

Я прижала пальцы к глазам, чувствуя, как усталость снова накатывает на меня.

— А твоя квартира?

— Никого нет дома. Жена с детьми навещает свою мать в Кале. Но у меня есть вариант

для тебя тем не менее,— он сделал паузу, как будто дожидаясь реакции от меня.

— Если бы я не любила тебя так сильно, я бы настаивала на том, чтобы ты притащил свою задницу обратно в Париж и решил эту проблему, — сказала я шутливым тоном. Он усмехнулся. — Ну же, какой вариант?

— Я переговорил с одним своим другом. Он живет на Монмартре и сегодня не ночует дома. Ты можешь переночевать у него, если тебя устроит этот вариант. А я решу все твои проблемы с жильем, как только вернусь в Париж. Что скажешь, милая?

Я ощутила, как паника зарождается внутри меня и часто задышала. Мысль провести ночь в квартире мужчины выглядела довольно пугающе. Я избегала любых романтических отношений после развода. Не могла забыть тот факт, что человек, который был моим лучшим другом еще со старших классов школы, которого я любила и с кем обменялась брачными клятвами, с легкостью оставил меня ради моей бывшей лучшей подруги. Уже этот поступок сам по себе был слишком горькой пилюлей.

Ублюдок.

Успокойся, Селена. Ведь хозяина дома не будет этой ночью. Просто возьми себя в руки. Я независимая двадцатипятилетняя женщина и не должна позволять эмоциям влиять на свою жизнь. Кроме того, мне просто необходимо хорошо отдохнуть к завтрашнему утру. По своему опыту я знала, что первый день работы всегда очень тяжелый.

— Селена? — позвал Эндрю, прерывая мои размышления.

— Прости. Да, этот вариант меня устроит.

— Водитель Ремингтона заберет тебя через несколько минут. У тебя есть мой номер. Звони мне если тебе что-то понадобится. Я привезу тебе мобильник завтра.

— Твоего друга зовут Ремингтон? Звучит довольно пафосно.

Он рассмеялся.

— Постарайся не найти еще каких-нибудь проблем. Увидимся уже завтра.

— Ты же знаешь меня,— сказала я с улыбкой. — И спасибо, что смог все это устроить.

— Скоро увидимся, красавица, — сказал Эндрю, перед тем как отключиться.

Я вернула телефон бармену и взяла коктейль в руки. Пять минут спустя я услышала, как кто-то кашлянул позади меня.

— Мадам Майклз?

Я повернулась и увидела высокую женщину, одетую в черную строгую юбку до середины бедра, белую блузку и сапоги до колен. Ее светлые волосы вились вокруг длинной элегантной шеи, а голубые глаза были обрамлены длинными ресницами.

— Да?

Она протянула мне руку в приветствии.

— Меня зовут Адель Дюфор. Я отвезу вас в дом Сен-Жермена,—сказала она на чистом английском без малейшего акцента.

Мое сердце пропустило несколько ударов, вспомнив мистера высокого-горячего-красавца, которого я видела недавно у стойки регистрации.

— Сен-Жермен? Его имя случайно не Ремингтон?

Она помолчала несколько секунд, с любопытством изучая меня, и кивнула.

— Вы раньше уже встречались?

Я отрицательно покачала головой, вставая со стула.

— Официально нет. Сегодня вечером он очень популярен, — я быстро пожала ее руку.

Она сухо улыбнулась и осмотрела холл.

— У вас есть багаж, мадам?

После того как мы забрали мой багаж из камеры хранения, с разрешения нервного администратора, я достала свитер из своей сумки и надела его. Я последовала за Адель к выходу из гостиницы, и мы вышли в прохладный осенний вечер.

Селена

«Пежо» остановилось перед загородным домом Ремингтона. Я выбралась из машины прежде, чем Адель успела обойти вокруг и открыть мне дверь. Я выпрямилась, и у меня отвисла челюсть, когда я посмотрела вперед.

Святые угодники!

Передо мной стояло внушительное ярко-белое здание из кирпича и стекла, с высокими окнами, отражающими свет, идущий от близлежащих домов. Единственным пятном света в доме был фонарь над крыльцом. Крошечные лампочки освещали дорожку, ведущую к двери от парковки, рассчитанной на пять машин.

Я медленно повернулась и замерла, когда в памяти всплыли отрывки из прошлого. Справа от меня, стояла Базилика Сакре-Кёр во всем своем первозданном, впечатляющем великолепии, купаясь в свете прожекторов, установленных на земле. Я была в этой части города только однажды, несколько лет назад, когда посещала вечеринку, устраиваемую домом мод Curves. Это было задолго до замужества и перерыва в карьере.

Главным дизайнером и владельцем этого дома моды была Грейс Деснер, одна из моих ближайших подруг. Она, шутя, сказала мне, что не хочет видеть меня — лицо дома мод Curves — выглядящей как зомби на съемках нижнего белья на следующее утро. Что я могла сказать? Это была вечеринка, и вина было в избытке. Это было в начале моей карьеры. Я была молода и верила, что могу завоевать мир с похмельем или без него, а также в то, что уже одно это спасет меня от похмелья. На следующий день все, чего мне хотелось, так это вырыть темную нору и спрятаться в ней, таким образом, мне не пришлось бы встречаться ни с кем до тех пор, пока похмелье не пройдет. Я вздрагивала от любого звука, даже не очень громкого, и шурилась от вспышек камер. Удивительно, но я довольно неплохо с этим справилась. Это было кошмарно, но я отлично усвоила этот урок.

Я глубоко вдохнула, наслаждаясь видом Парижа под безлунным небом.

Неожиданно рядом раздался хриплый голос Адель:

— Красиво, правда?

— Бесподобно.

— У месье Сен-Жермена хороший вкус, — ее голос был полон... благоговения.

Я оглянулась на нее через плечо. На ее лице легко читалось обожание. Но она быстро взяла себя в руки, когда увидела, что я смотрю на нее, и ее лицо стало бесстрастным.

Ух ты. А кто-то, кажется, влюблен в своего начальника.

— Да, действительно, — ответила я, направляясь к машине, чтобы вытащить чемодан из багажника. — Когда мсье Сен-Жермен вернется из Прованса?

— Через неделю, — она махнула в сторону багажа, когда я начала вытаскивать его. — Оставьте, я сама занесу все внутрь.

— В этом нет необходимости.

— Это огорчит его, — также бесстрастно произнесла она. Кем бы ни был этот парень, он точно счастливчик, раз она настолько ему предана.

— Отлично.

Я сделала шаг назад, подтянула ремешок сумочки повыше на плечо и подождала, пока

она покажет мне дорогу.

В доме я остановилась на пороге, зевая и ожидая, пока Адель принесет вторую часть багажа из машины. Она предложила приготовить мне что-нибудь перекусить, если я голодна, но о еде я сейчас думать была не в состоянии. После того как она показала мне гостевые спальни наверху и описала удобства, которые могут предложить комнаты, я поблагодарила ее за все. Она кивнула и сказала, что заедет за мной утром и отвезет в офис «Сара Арден». Сразу же после ее ухода, я отправилась наверх, оставив багаж внизу, поскольку утром все равно собиралась уезжать отсюда. За годы модельной карьеры, я быстро выучила преимущества запасной одежды в сумке, особенно если багаж задержали или потеряли во время транзита.

Когда я включила свет, я смогла осмотреть комнату. Внешне интерьер довольно простой и стильный. Почти такой же, какой я мельком видела в коридоре. Белые стены и черный комод, стоящий прямо напротив кровати. Квадратное зеркало над комодом. Кровать была покрыта черным покрывалом, а под ним виднелась белая простынь и две огромные подушки в белых наволочках. Все на своих местах. Интересно, все комнаты такие же, как эта?

Я бросила сумку на кровать и отправилась в ванную, которая оказалась просто шедевральной. Просторное помещение с полом, выложенным белой мраморной плиткой, с огромной ванной, расположенной возле панорамного окна. В душевой был душ с четырьмя насадками, двумя зафиксированными на потолке и двумя на стене. Сен-Жермен, по всей видимости, страстно ценит роскошь.

Я вышла из душа и схватила мягкое махровое полотенце с вешалки из красного дерева, чтобы вытереться. После того как я промокнула волосы, я обернула полотенце вокруг тела, закрепив его под мышками, и вернулась в комнату, пытаясь расчесать влажные волосы пальцами. Я сбросила полотенце на кресло, стоящее справа от меня возле окна и направилась к кровати в центре комнаты, но замерла, когда краем глаза заметила пару ног в дверях. Я пронзительно вскрикнула, и отступила назад, пытаясь схватить рукой полотенце с кресла, но рука ловила только воздух. Я рванулась вперед, схватила тяжелую сатиновую простынь и потянула ее на себя. Ничего не произошло. Я попробовала снова. И снова ничего не вышло. Я сдалась и обернулась лицом к двери, чувствуя, как жар разливается по щекам.

Мой взгляд поднялся от босых ступней вверх по ногам в голубых джинсах и задержался на мускулистых бедрах, прежде чем двинуться выше. Накачаные руки были скрещены на не менее рельефных мышцах груди, одним плечом он опирался о дверной косяк. Мои глаза округлились и я замерла. Непроницаемые зеленые глаза были сосредоточены на мне.

— Что вы здесь делаете? — выпалила я, поскольку мой разум был в замешательстве, и я не могла думать ясно.

Одна черная бровь приподнялась.

— Никогда не ожидал, что мне зададут такой вопрос в моем собственном доме, в моей собственной спальне, — он медленно произносил слова глубоким голосом с легкой ноткой британского акцента, смешанного с французским.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо! Разве он не должен был быть на пути в Прованс? Это его спальня? Я огляделась, и впервые заметила, что комната чистая, простая и очень мужская.

Я гордилась тем, что я сильная женщина, гордилась своим телом, но кого я обманываю? Видя обжигающий взгляд на его лице, мне захотелось спрятаться под кроватью. Я решила, что удовольствие будет частью этой трехмесячной деловой и развлекательной поездки.

Немного флирта тут и там, возможно, немного любовной возни под простыней, чтобы восстановить нервы. У меня давно никого не было, но я была готова вернуться в игру, как бы страшно ни было. Взглянув на его лицо, я увидела, как он уставился на меня, и поняла, что последнее, о чем он думает, это флирт или игры.

Я нервно сглотнула. Из этого ничего не следует. Или, наоборот, что-то следует. Я шагнула вперед, моя грудь слегка покачнулась, и я сделала единственную вещь, которую уверенная в себе женщина, могла бы сделать в подобной ситуации. Я высоко подняла голову и с достоинством встретила приближающуюся катастрофу. Его взгляд опустился на мою грудь всего на одну долю секунды и затем вернулся к моему лицу. Он не выглядел впечатленным, и мое лицо покрылось румянцем смущения. Я неправильно его поняла? О, Господи, это было так унижительно.

Какой же мужчина не любит любоваться женской грудью? Возможно, это прозвучало так, словно я самовлюбленная корова, но чем дольше я стояла там, перед ним, тем быстрее моя уверенность в себе рушилась.

Мне захотелось стукнуть себя по голове. После Джеймса я поклялась себе, что никто и ничто не заставит меня почувствовать себя униженной.

Я протянула ему руку.

— Прошу прощения за грубость. Вы застали меня врасплох. Я была уверена, что буду в доме абсолютно одна этой ночью, так как Эндрю и Адель заверили меня, что вы будете в Провансе.

Его глаза широко распахнулись на секунду, а затем непроницаемое выражение вернулось. Боже. Он, наверное, ожидал, что я струшу под его взглядом.

— Я отложил поездку.

Он оттолкнулся плечом от дверного косяка, шагнул вперед, а затем обхватил своими сильными пальцами мою руку. Его рукопожатие было крепким, мужским, шершавая ладонь прижалась к моей коже. Он наклонился ко мне так, чтобы мы смотрели друг другу в глаза, и я тут же почувствовала запах его одеколona.

— Ремингтон Сен-Жермен.

Казалось, что он борется сам с собой, чтобы не опустить глаза ниже. Я видела, как он стрельнул глазами вниз по моему телу, перед тем как снова вернуться взглядом к лицу. Возможно, он не настолько безразличен к моей груди, как я решила ранее.

— Вы часто делаете это? Ходите голая, когда вы одна?

Я не сумела понять, дразнил он меня или это был искренний интерес? Ох! Этот мужчина просто выводит меня из состояния равновесия.

— Это свободная страна,— пожала я плечами, изображая равнодушие, в то время как все, чего я хотела, это добраться до полотенца и прикрыться. Я не хотела показывать ему, что критический осмотр и то, как его глаза задержались на моей груди с неприкрытым желанием, оказывало на меня какое-то влияние.

— Вы уже знаете мое имя так что... — я замолчала, и затем, кашлянув, постаралась не превратиться в желейную массу рядом с ним. — Позвольте мне одеться, и я освобожу вашу комнату.

Он отпустил мою руку.

— Нет необходимости,— затем повернулся и вышел из комнаты. А несколько секунд спустя я услышала звук захлопывающейся двери, эхом разнесшийся по холлу и по всему дому.

Ого! Его реакция несколько сбивала с толку. В одну минуту он, казалось, был готов схватить меня в охапку и прижать к стене, а в следующую минуту уже убежал из комнаты, как будто там был пожар.

Я схватила свою сумку и быстро натянула чистое нижнее белье, затем скользнула под простыни, а мое сердце все еще колотилось в груди. Я натянула пуховое одеяло до подбородка, проигрывая в уме все, что только что случилось. Неожиданно с моих губ сорвался смешок, отодвигая на задний план смущение, которое я почувствовала, когда меня застали голой. У меня вырвался еще один смешок, когда я вспомнила, как он не мог оторвать глаз от моих сисек, а затем, когда я засекла, как он таращится, он сделал вид, что не заинтересован.

Высокомерная задница.

Ну что ж...если это был знак того, как я проведу время в Париже, то, можно сказать, что начало довольно-таки неплохое.

Я плотнее закуталась в одеяло. Но когда сон уже почти одолел меня, страхи вернулись. Каждую ночь после развода они теснились в голове и мешали заснуть.

Что если у меня не получится снова стать такой же хорошей моделью, какой я была когда-то? Смогу ли я флиртовать и встречаться с мужчиной так, чтобы это не затронуло моего сердца? Конечно же, я не имела в виду хозяина этого великолепного дома, но, возможно, я найду кого-то, кто захочет меня?

Когда я прижала руку к шраму на животе, я почувствовала, как уверенность и определенность вернулись ко мне. Я многое потеряла, но не собиралась позволить прошлому управлять мной или моей жизнью. Я готова двигаться дальше.

Ремингтон

Я прижался спиной к двери, тяжело дыша. Когда я вошел через входную дверь своего дома, я уже знал, что Селена здесь, но совершенно не ожидал, найти ее в своей спальне полностью обнаженной.

Ранее этим вечером, когда я оставил ее у стойки администратора, и остановился поприветствовать несколько человек, я услышал, что она говорила с администратором по поводу номера в гостинице. Я задержался достаточно, чтобы узнать, что ей негде было остановиться этой ночью. Что удивило меня больше всего, так это то, что она разговаривала с моим хорошим другом Эндрю. Я не мог поверить в свою удачу. Насколько велики шансы, что женщина, которую я встретил и с которой разговаривал, знакома также и с моим другом?

Когда она закончила беседу, я быстро набрал его номер телефона и прямо спросил о Селене, а затем предложил свой дом в качестве ночлега на ночь. Я не сторонник хождения вокруг да около, особенно, если чего-нибудь хочу. Я иду и беру это. Кроме того, я ведь был добрым самаритянином? Я отложил свой полет в Прованс. Поехал к частному ангару, где моя мать и сын ожидали меня, чтобы мы могли вместе улететь.

Сегодня утром, моя мать прилетела из Лондона и забрала Адриана из детского садика. Позднее во второй половине дня Адель отвезла их в ангар, где они должны были дожидаться меня.

Забрав Адриана, я сообщил матери, что мне срочно необходимо решить некоторые деловые вопросы, и что мы увидимся на следующий день. Поехал обратно в загородный дом. Каким бы хозяином я выглядел, если бы предложил гостю остановиться у меня и оставил ее одну?

Удовлетворенный таким объяснением, я отошел от двери, запуская пальцы в волосы.

Селена интриговала меня. Сначала, когда увидел ее возле стойки администратора, все что я видел, это уверенную в себе женщину, красивую и чувственную. Она великолепно смотрелась. Да она практически сбила меня с ног своим аппетитным телом.

Я закрыл глаза и образ Колетт, матери Адриана, промелькнул в моем сознании. Злость, сжигавшая меня изнутри после ее смерти, слегка поутихла, и на замену ей пришло смирение. Но изредка, злость все же вскидывала голову.

Было что-то в выражении глаз Селены. Печаль, наверное. Она словно взывала ко мне. Уверен, она даже не поняла, что так отреагировала. Я знаю, что такое боль, обиды и печаль, именно это я почувствовал в ней. Подобное тянется к подобному, и, наверное, именно по этой причине, меня тянуло к ней так сильно.

И ее грудь. Боже ж ты мой, она была идеальна. Я был близок к тому, чтобы толкнуть ее к стене, целовать и прикасаться к ее груди. Я сделал вид, что мне безразлично, когда она заметила как я пялюсь на ее грудь, но в действительности, мой член был невероятно тверд.

Я заставил разум вернуться к моменту с рукопожатием, понимая, что без ледяного душа перед сном не обойтись. Судя по ее лицу, и у стойки администратора, и в моей спальне, я видимо, сам того не ведая, подавал ей некие сигналы. Она застигла меня врасплох, и я был в состоянии опустошения, запутавшись между желанием, влечением к ней и своим прошлым.

Неужели я был заинтригован не столько внешними данными Селены, сколько ее схожестью с Колеетт?

Я вытащил телефон из кармана и пролистал список контактов до буквы Ж, затем нажал кнопку вызова.

— Мне нужно, чтобы ты кое-кого проверил для меня, — сказал я, после нескольких слов приветствия.

Я знал, что поступать так подло, но если я собираюсь добиться Селены, а я определенно собираюсь, то сначала нужно раздобыть хотя бы общую информацию.

В этот раз мне необходимо предпринять все меры безопасности. Мой друг, Жиль — владелец охранной фирмы. Он же мой информатор. Я знаю его уже много лет, он для меня как член семьи. Два года назад мне стали приходить смс сообщения в разные дни недели от неизвестного абонента. В основном они содержали флирт, а иногда и очень интимные предложения, но в них никогда не было угроз. Жиль пробовал отследить их, что оказалось далеко не просто. Он полагал, что тот, кто отправлял их, использовал одноразовые телефоны. Несмотря на то, что ему так и не удалось отследить отправителя, я доверял ему безоговорочно.

После звонка, я подошел к кровати и улегся, потирая шею рукой. В данную минуту я был само противоречие. Я не привык к таким ощущениям и мне они совсем не нравились.

Я улечу в Прованс завтра. Расстояние поможет сконцентрироваться на более важных вещах. Я уделил Симпозиуму Искусств, который продлился неделю, все мое время, и у меня накопилась куча дел. Кажется, что теперь в них можно включить одну дерзкую и красивую американку.

Селена

Что-то колело меня в щеку. Я распахнула глаза и увидела самые обворожительные зеленые глаза, которые можно увидеть на таком милом личике. Из ниоткуда появилась маленькая ручка и отбросила черные кудри со лба.

Мальчишка моргнул.

Потом еще раз.

Я прижала руку к груди, стремясь сдержать зарождавшуюся там боль, стараясь дышать медленно. Глаза начало жечь.

Вот дерьмо! Я почти готова разрыдаться и насмерть перепугать ребенка.

Эта боль когда-нибудь пройдет?

Я глубоко вдохнула, стараясь ослабить боль потери, которая подкрадывалась ко мне всякий раз, когда поблизости оказывался ребенок, особенно такой симпатичный, как этот, что сидел сейчас передо мной.

Мне удалось справиться с собой. Ну, почти.

Мальчик отклонился назад, и, нахмурившись, разглядывал меня. Держу пари, он раздумывал, что я за сумасшедшая тетка.

Я кашлянула и натянула улыбку на лицо.

— Приветик,— сказала я хриплым голосом, надеясь, что не напугала его.

Он продолжал разглядывать меня так, словно мысленно решал сложную математическую задачу. Неожиданно он широко улыбнулся, демонстрируя отсутствие нижних передних зубов.

— Ты девушка моего папы? На тебе папина рубашка. И ты... — он прищурился, словно искал подходящее слово. — Ага! *Belle*. Красивая.

Он крутанулся на пятках и выбежал из комнаты, зовя отца.

— Папа!

Прежде чем эхо топота маленьких ножек по плиткам стихло, я спустила ноги с кровати и посмотрела вниз на черную шелковую рубашку от пижамы, которую надела, когда проснулась, замерзнув посреди ночи.

А затем до меня вдруг дошло, что за слово кричал мальчик. Папа? Ремингтон Сен-Жермен его отец? *Серьезно?* Он ну никак не выглядел, как чей-либо папа. Все то небольшое в нем, что я видела, его лицо, голос... Мне следует прекратить думать о нем, если я собираюсь спуститься вниз и не умереть от смущения, вспоминая момент, когда меня застукали обнаженной.

Я поискала глазами часы в комнате, нашла их на прикроватной тумбочке и застонала. Я проспала дольше, чем планировала, и сейчас, у меня осталось только полчаса, чтобы собраться, затем я должна встретиться с Эндрю в офисе «Сара Арден».

Я выкарабкалась из кровати и отправилась в душ. Несколько минут спустя я выбежала из ванной и оделась в сливочно-желтый топ с открытой спиной и голубые джинсы, которые были на мне вчера. Затем быстренько нанесла легкий макияж.

Затолкнув все свои вещи обратно в сумку, заправила постель, убедившись, что все на своих местах, как и было вчера ночью. Спустилась вниз по лестнице и замерла на пороге

огромной гостиной, которая была частью открытого этажа. Ремингтон и мальчик стояли, тесно прижавшись, друг к другу, и мальчик говорил без остановки, в то время как Ремингтон был занят приготовлением, по всей видимости, завтрака. У меня сложилось впечатление, что я вторгаюсь в их ежедневную утреннюю рутину, но я ничего не могла поделать.

Я оглянулась, чтобы посмотреть, как выглядит комната, так как у меня не было возможности увидеть ее прошлой ночью. Белые стены пусты за исключением нескольких картин, висящих друг напротив друга в гостиной. На одной изображен красивый малыш трех лет. Полагаю, тот самый малыш с черными кудрявыми волосами и восхитительными зелеными глазами, который разбудил меня. На другой картине изображена женщина лет пятидесяти с чертами лица, напоминающими черты Ремингтона. Я не великий знаток искусства, но достаточно хорошо разбираюсь, чтобы понять, что эти две картины очень даже хороши.

Также в комнате стоят три аккуратно расставленных дивана. На них в беспорядке разбросаны подушки в чехлах теплого светлого оттенка. Несколько подушек лежат на полу. В правом углу стоит ящик, полный игрушек. На каминной полке над мраморным камином я увидела три серебряные рамки с фотографиями. Подошла ближе и прищурилась, чтобы лучше их рассмотреть. На всех фотографиях Ремингтон, мальчик и женщина с картины. Они или стоят напротив колеса обозрения, или сидят на берегу реки и ловят рыбу.

Но где же мать мальчика? Он что в разводе? Или она умерла?

Я снова бросила взгляд на кухонную стойку. Если вчера, увидев Ремингтона у меня захватило дух, то сейчас, общаясь с мальчиком этим утром, он выглядел просто красиво. Я нерешительно топталась в гостиной, наслаждаясь открывавшимся передо мной видом. Ремингтон одет в черные шелковые пижамные штаны, низко сидящие на его бедрах и белую футболку, которая подчеркивает его накачанные руки, густо покрытые темными волосами. Мышцы на его груди под футболкой напрягаются, пока он готовит завтрак. Мальчик что-то сказал, и Ремингтон взъерошил его кудрявую головку, улыбаясь.

О Господи. Какая улыбка! Вокруг стало как будто светлее и ярче, когда он улыбнулся. Он повернулся, открыл холодильник и что-то вытащил оттуда. Закрыв дверцу холодильника и продолжил делать то, что делал до этого. Мальчик нагнулся вперед, прижимаясь лбом к Ремингтону, и поцеловал отца в нос, а затем пронзительно завизжал, когда Ремингтон схватил сына за талию и защекотал. Не было больше никаких сомнений. Это его сын. То как они одинаково поворачивали голову вправо, как похоже говорили, и как одинаково щурились, когда раздумывали, было ужасно очаровательно.

Его сын снова вскрикнул и в этот раз Ремингтон откинул голову назад и рассмеялся. Услышав этот глубокий соблазнительный смех, я охнула. Две пары глаз повернулись в моем направлении.

— Доброе утро,— я широко улыбнулась, так, словно это не я наблюдала за ними последние несколько минут.

Его сын спрыгнул со стула, на котором сидел, и бросился ко мне, в то время как его отец, казалось, наоборот замер на месте. Выражение лица снова непроницаемое.

О чем он думает?

Оторвав взгляд от него, я опустила на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с сыном Ремингтона, и протянула ему руку. Мальчик одет в джинсы и миленький голубой свитерок с изображением Спайдермена на груди.

— Меня зовут Селена. А тебя как зовут?

Он хлопнул по моей ладони в приветствии.

— Адриан. Вы красивая. Она красивая, правда, папа? — он повернулся и посмотрел на своего отца. — Она твоя новая подруга?

Ремингтон пристально смотрит на меня, посылая дрожь по всему телу.

— Да, она красивая, и нет, она здесь только переночевала. Пойдем. Как я тебе уже говорил, мы останемся в Париже сегодня. Скоро придет Адель забрать тебя в школу, ты же знаешь, она не любит опоздания, — хотя слова были сказаны очень вежливо, в его тоне четко слышались твердые нотки.

Не спеша выполнять сказанное его отцом, Адриан повернулся ко мне, в его глазах сверкало озорство.

— Ты можешь остаться с нами? Пожалуйста, скажи да. Ну, пожалуйста.

— Адриан, — в этот раз голос Ремингтона давал понять, что он не потерпит возражений.

Бедный малыш закрыл ротик и поспешил на кухню, его плечики были напряжены. Он взобрался обратно на стул, на котором сидел пару минут назад. Воцарилась тишина. Кожу на голове начало покалывать, такое напряжение ощущалось в воздухе.

Ну и отлично.

— Спасибо, что позволили мне переночевать у вас, мистер Сен-Жермен. Мне нужно быть в Лувре через пятнадцать минут. Могу я воспользоваться вашим телефоном, чтобы вызвать такси?

Ремингтон резко поднял голову, в его глазах можно было отчетливо прочесть удивление. Раздался звонок в дверь, затем в двери повернулся ключ и она открылась. Через несколько секунд в кухню вошла Адель. После обмена любезностями, она осмотрела кухню, и выражение ее лица смягчилось, от того что она увидела.

— Поцелуй папу, перед тем как уйдешь, — сказал Ремингтон Адриану.

Я повернулась вовремя и увидела, как Адриан обхватил своими коротенькими ручонками отца за шею и поцеловал его в щеку. После того как Ремингтон вручил сыну красную коробочку для ланча, Адриан повернулся ко мне. Неожиданно он сорвался с места, подбежал ко мне и обнял мои ноги. Я уронила сумку на пол и обняла его в ответ.

Господи, было так правильно ощущать его в своих руках.

— *Аревуар*, Селена, — прошептал он мне на ухо, перед тем как оставить на моей щеке влажный поцелуй.

— Пока, детка, — ответила я и встала, в то время как он уходил, широко улыбаясь.

Как только входная дверь за ними закрылась, я повернулась к Ремингтону и увидела, что он смотрит на меня. И его взгляд очень сердит.

Ну и какого черта он бесится? Я сделала что-то не так? Он злится из-за того, что я спала в его комнате?

Я скрестила руки под грудью, и стиснула зубы.

— Прошу прощения, что заняла вашу комнату прошлой ночью. Я была очень сонная и неправильно поняла инструкции Адель. Спасибо, что позволили мне остаться, несмотря на эту оплошность.

Он продолжал тщательно изучать мое лицо. Хотелось бы мне получить хотя бы намек, что он пытается там найти.

— Был рад услужить.

Я вежливо улыбнулась и схватилась за выдвижную ручку моего чемодана, повернувшись

к выходу.

— Можете остаться, если хотите, — сказал он. — Я уезжаю в Прованс на несколько дней.

Я застыла на месте. *Что-что? Остаться здесь?* Он очень замкнут с момента нашей первой встречи, тем не менее посылает противоречивые сигналы. Плохо то, что я не понимаю, почему он так осторожен со мной.

— Я очень польщена. Спасибо за ваше щедрое предложение, но, тем не менее, Эндрю уладит вопросы с моим проживанием уже сегодня.

— Вы не мешаете, так как дом все равно будет пуст.

Я моргнула глядя на него.

— Мы даже не знаем друг друга. Почему вы предлагаете мне остаться? Может я строю планы ограбить вас, пока мы сейчас разговариваем.

Он усмехнулся.

— Вы не похожи на воровку.

Я закатила глаза, стараясь не улыбнуться.

— Не стоит судить по красивой внешности. Я вполне могу относиться к тому типу людей, которые бьют людей по голове и затем грабят их, — его губы изогнулись в изумлении, но он никак не прокомментировал это. — Спасибо, но я не могу остаться.

Его взгляд потемнел, словно он не мог справиться с собой, когда смотрел на мои губы. Внутри него как будто шла борьба, но затем так же быстро, как в его глазах зажглось желание, все эмоции исчезли, и лицо снова стало замкнутым.

— Хорошо, я отвезу вас куда скажете. Позвольте сделать это для вас, Селена.

Дрожь прошла по позвоночнику при звуке моего имени, сорвавшегося с его губ. Оно прозвучало так, будто он вдохнул буквы, а затем выдохнул их одним разом. Никогда еще оно не звучало так хорошо.

Да уж! Этот мужчина смущает меня. Найти мужчину для флирта в этом городе было бы гораздо проще, чем понять логику его мыслей и настроений.

— Буду весьма вам благодарна.

Я прислонилась спиной к двери и наблюдала, как он поднимается по лестнице, держа голову гордо и уверенно, предоставляя мне возможность наслаждаться чудесным видом его задницы. Я оторвала от него взгляд, и всего на несколько минут представила Адриана в своих объятьях. Это было очень приятное ощущение, с учетом того что мне всегда казалось, что я буду ощущать боль своей потери, если еще когда-нибудь обниму ребенка. Но Адриан застал меня врасплох, когда подбежал и обнял.

Я улыбнулась, наслаждаясь этим чувством снова и снова.

Как только дверь в мою комнату закрылась за мной, запах Селены, все еще витающий в комнате, врезался в меня и мой гнев сразу же утих. Я споткнулся на первом же шаге и замер, чтобы сделать глубокий вдох. Затем я вспомнил, что случилось только что внизу.

Общество Селены одурманивало. Не знаю, что подтолкнуло меня открыть рот и предложить ей остаться у меня дома. Ах, нет, знаю. Я был жадным и хотел ее для себя. Завидовал, что она будет проводить свои ночи в каких-то номерах отеля.

Сразу три греха, но кто считает их?

Я покачал головой, вспомнив, как Адриан смутил Селену, сколько надежды было на личике, и то, как мое тело отреагировало на нее. Я не относился к тому типу мужчин, которые спят с женщинами ради удовольствия. Точнее, я был таким мужчиной после смерти Колетт, но потом я понял, как это все неправильно и возненавидел себя за такое поведение. После этого я стал избегать женщин и сосредоточил все свое внимание на воспитании сына. Я встречался длительное время с одной женщиной, но все закончилось два года назад.

Вот поэтому сейчас мне хотелось ударить кулаком по чему-нибудь, желательно по стене. Я не привык находиться в противоречии со своими мыслями и убеждениями. Что-то в Селене удерживало меня от преследования. Невидимый сигнал, который говорил «осторожно, хрупкая вещь». Реакция Адриана на нее почти поставила меня на колени.

Мне нужно было пространство, чтобы подумать, и Прованс был единственным местом, где я мог бы это сделать.

Я снял пижаму и направился к гардеробу, достал белую футболку, джинсы, а из другого шкафа достал белые боксеры.

После того как оделся, я снова обрел власть над своими мыслями. Я спустился вниз, и замер на некоторое время, наслаждаясь ее шикарной попкой и аппетитными бедрами, пока она стояла спиной ко мне и разглядывала портрет Адриана. Одну из моих лучших работ, кстати говоря.

— Вы готовы? — спросил я.

Она оглянулась через плечо, быстро осматривая меня с головы до ног, а затем ее карие глаза вернулись к моему лицу.

Она облизала губы.

— Показывайте куда идти.

Селена

Официально заявляю. Когда я рядом с Ремингтоном — это разрушает меня. Каждая частичка его тела, неважно насколько маленькая, и каждый брошенный на меня взгляд, все сильнее затягивал спираль напряжения во мне. Я была готова сорваться.

Как только блестящий черный «Ролс-Ройс Фантом» остановился возле агентства «Сара Арден», я схватилась за ручку двери, готовая выскочить из машины. Большая сильная рука Ремингтона протянулась через консоль, и он положил свою ладонь мне на колено, заставив замереть на месте. Я вздрогнула, когда жар его ладони просочился сквозь джинсы и достиг моей кожи. Я же не из камня сделана. Несмотря на его перепады в настроении от безразличия к желанию, мои внутренности продолжали сжиматься, а пальчики на ногах покалывало от желания.

Я повернулась лицом к нему, и мой мозг буквально закричал *«Боже, парень, предупредил бы сначала девочку, или все закончится смертью от удушья в твоих руках»*.

Прикосновение было очень интимным, почти собственническим, во взгляде, которым он наградил меня, читался завуалированный приказ.

Мое сердце угрожало выпрыгнуть из груди и составить компанию мчащимся вниз по улице машинам.

Он убрал руку, и, прежде чем я поняла, что происходит, обошел вокруг машины и открыл мне дверь.

Никакое другое прикосновение не ощущалось так, как это.

Никакое другое прикосновение не заставляло меня чувствовать себя в таком смятении.

Никакое другое прикосновение не заставляло меня настолько желать ощутить его снова.

Так-так Селена, снова ты за свое. Его быстро меняющееся настроение слишком опасно для твоего рассудка.

Я выбралась из машины и стояла на тротуаре, глядя на то, как он с легкостью вытаскивал мои чемоданы из багажника и ставил их на землю. Он двигался гибко, движения были точными. Целеустремленными. Я могла бы смотреть на него, не отрываясь, сутками, рискуя получить сердечный приступ от его постоянно меняющегося настроения.

— Пойдемте, — он повез мой чемодан внутрь офиса «Сара Арден», не оставляя выбора, кроме как повесить на плечо свою сумку и последовать за ним в здание.

Остановившись в холле, он положил руки на свои стройные бедра, изучая шикарный черный с ярко-розовым интерьер с таким непостижимым видом, словно обозревал весь мир вокруг него. Затем он, наконец, посмотрел на меня.

— *Аревуар*, Селена.

Застигнутая врасплох, я выпрямилась перед ним, я едва доставала ему до плеча.

Его голосу обязательно быть таким... возбуждающим?

подавив дрожь, я скрестила руки на груди и посмотрела ему в глаза.

— Спасибо вам за все. Должна сказать, было... интересно встретить вас, — я поправила ремешок сумки на плече. — *Аревуар*, Ремингтон.

Я протянула ему руку, и он поцеловал тыльную сторону моей руки, перед тем как уйти. Он прошел сквозь двери, и ни разу не обернувшись, направился к машине.

Боже, какая великолепная задница! Я взяла себя в руки, схватила свой багаж и отправилась в сторону стойки администратора.

Ремингтон Сен-Жермен — загадка, которую лучше забыть. И как можно скорее.

Селена

В пять вечера я сидела в черном «Пежо 508», за рулем была Адель. «От Ремингтона» было написано в записке, которую я держала в руке. Эндрю нашел мне номер в шикарном отеле «Катерина» всего в пяти минутах ходьбы от реки Сены. Дела задержали его в Лионе, но он обещал заскочить в отель, как только вернется в Париж. Нам с ним нужно многое обсудить по поводу предстоящей работы.

Я бросила взгляд на записку — слова были нацарапаны небрежно, но сильной и уверенной рукой. Этот почерк служил еще одним доказательством того, что его хозяин предпочитает контролировать свою жизнь и свое окружение.

— Наверное, мсье Сен-Жермену не хватает вашей помощи, — сказала я, пытаюсь выяснить мотивы, побудившие Ремингтона прислать за мной Адель. Ведь я могла спокойно взять такси, но нет же, мистер Высокий Мрачный Красавец был в очень щедром расположении духа.

Адель посмотрела в зеркало, и наши взгляды встретились, затем она снова сконцентрировалась на пробке впереди нас.

— Мсье Сен-Жермен сам водит автомобиль в большинстве случаев.

В моей голове крутилось слишком много вопросов, но мне не хотелось совать нос в чужие дела и вынуждать ее чувствовать себя неловко, поэтому я просто откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Я сделала мысленную пометку связаться с Ремингтоном и поблагодарить его за этот щедрый жест. Я ужасно устала: генеральная репетиция длилась целый день, так как приближалась выставка модного нижнего белья; я встретила с Грейс — владелицей дома мод Curves — для обсуждения предстоящей фотосессии в нижнем белье и моей программы на следующие несколько недель. Мне все еще не удалось привыкнуть к смене часовых поясов, и к тому же я страшно проголодалась. На завтрак я выпила две чашки латте и съела круассан с шоколадом, а днем у меня не было времени перекусить.

Адель остановилась возле отеля, и, после того как дала мне свой номер телефона, предложив звонить, если меня нужно будет куда-нибудь отвезти, уехала. Двое посыльных взяли помочь с багажом, и я вошла в холл отеля «Катерина». Интерьер был впечатляющим: полированные стойки, огромные зеркала, медные канделябры, мраморные полы кремового цвета, а по всему холлу расставлена мебель в стиле барокко. Разве агентство может себе позволить оплачивать такие апартаменты? Seriously, отель выглядел так, что цена за номер была никак не меньше двухсот пятидесяти евро. Если я останусь жить здесь на все три месяца, то агентство разорится к тому моменту, как придет время возвращаться домой.

Эндрю придется подыскать мне какое-нибудь другое жилье. Это чересчур дорогое.

— Добро пожаловать в отель «Катерина», мадам Майклз, — сказала женщина лет тридцати, напугав меня своим неожиданным появлением.

Я улыбнулась, стараясь не чувствовать себя слишком виноватой из-за того, что остаюсь здесь.

После обмена любезностями, я отошла в сторону, оставив женщину одну. Она бросала на меня любопытные взгляды каждые несколько секунд, но когда увидела, что я заметила ее внимание, быстро отвела глаза. Неуважение и невнимательность Джеймса очень глубоко

ранили меня. И если раньше я была привычна к тому, что вслед мне оборачивались как мужчины, так и женщины, то теперь одобрительные взгляды были как бальзам для моей раненой гордости.

Меня очень быстро зарегистрировали. Клерк вручил мне ключ и белый конверт, запечатанный красной восковой печатью.

Инициалы на конверте говорили сами за себя.

Р. С.-Ж.

Ремингтон Сен-Жермен.

Пока я шла к лифту, мои руки дрожали.

Внутри меня все трепетало. Он словно тень, постоянно присутствующая рядом со мной, и он использует воск, для запечатывания своих писем.

Как тут можно устоять?!

Вслед за посыльным я вышла из лифта на своем этаже и открыла ключом номер 404. Когда увидела комнату, я забыла, как дышать. В номере был собственный камин и кровать с балдахинном, оформленная в бело-красных тонах. Тяжелые красные бархатные шторы обрамляли французские двери на балкон, с которого открывался чудесный вид на Эйфелеву башню.

Пришлось приложить усилия, чтобы не глазеть на все это великолепие с открытым ртом. Бросив сумку на кровать, я рассеянно открыла конверт, по-прежнему продолжая все осматривать. Мой взгляд остановился на белом туалетном столике в стиле барокко, на котором стояла замысловатая граненая хрустальная ваза с букетом из благоухающих белых и красных роз.

Я посмотрела на письмо в руке и увидела знакомый размашистый почерк.

Селена.

Добро пожаловать в отель «Катерина». Надеюсь, ваша комната вам понравилась. Если нет, сообщите администратору, и он подберет вам другую.

Аревуар.

Ремингтон Сен-Жермен.

Так это он все устроил?

Встряхнув головой, чтобы избавиться от своих мыслей, я открыла одну из сумок в поисках кроссовок, спортивных штанов и топа с круглым вырезом. Прошло уже два дня с тех пор, как я последний раз совершала свою регулярную утреннюю пробежку. Я уже чувствовала, как мысли роятся в моей голове. Пробежки — это моя отдушина. Мне не хотелось долго копаться в своих мыслях, потому что, если бы я позволила им свободно бродить в голове, все закончилось бы полной неразберихой. Мне необходимо было срочно выбраться на улицу, чтобы мысли разбежались в сотнях совершенно разных направлений.

Я взяла с собой айпод и вышла из номера. Уточнила у администратора отеля, где поблизости можно безопасно совершить пробежку, чтобы никто не мешал и, взяв предложенную ею маленькую карту местности, положила ее в карман штанов. Затем надела наушники, вышла из отеля и вскоре уже бежала по тротуару, любуясь опадающими листьями и тем, как деревья меняют цвет. Мой желудок проурчал, когда я пробежала мимо небольшого ресторанчика, напоминая мне, что сегодня я практически ничего не ела. Но я проигнорировала его жалобы и побежала немного быстрее, зная, что в качестве награды

закажу себе плотный обед, когда вернусь в гостиницу.

После пробежки я вернулась в гостиницу, заказала обед через обслуживание номеров, а сама отправилась быстро принять душ. В дверях я остановилась. Блестящая бежевая мраморная плитка покрывала стены и пол. Во всю длину дальней стены стояло старинное темно-красное трюмо, на котором были установлены две раковины. С одной стороны располагалась душевая, в которой спокойно бы помылись четверо мужчин крепкого телосложения, а рядом с ней стояла квадратная ванна, такая огромная, что в ней спокойно могли бы сидеть три человека одновременно и еще бы место осталось. Три полки возле ванны были заполнены книгами и журналами, а на стене напротив висел телевизор с плоским экраном. В потолке было большое окно, сквозь которое можно было видеть беззвездное небо.

К черту все, я буду жить в этой ванной комнате.

Я обязательно воспользуюсь этой ванной, перед тем как съехать из этого номера. Но сейчас первым делом необходимо принять душ, а затем пообедать. Скоро должен приехать Эндрю. Десять минут спустя я вышла из душа, одетая в халат, и после того, как я уточнила разницу во времени между Парижем и Нью-Йорком, попросила администратора соединить меня с домашним номером моих родителей.

Несколько секунд на линии раздавались помехи, затем связь нормализовалась, и я услышала, как моя младшая сестра Марли ответила. Боже, как я скучала по ней. Марли — моя лучшая подруга и мое доверенное лицо. Мама и папа не оказались дома, они уехали навестить каких-то друзей. Я попросила ее передать им, что добралась нормально и постараюсь перезвонить им позже. После того как мы закончили говорить, я быстренько оделась, как раз вовремя, так как доставили мой обед.

Моя семья очень поддерживала меня, когда я проходила курс терапии, и они всегда были рядом после развода. Я с ненавистью вспоминала, какой слабой тогда была. Тем не менее, позже я поняла, что для того, чтобы быть сильной, сначала нужно побыть слабой и научиться бороться со своими демонами. Было нелегко, особенно из-за того, что мне приходилось иметь дело с заниженной самооценкой, помимо всех прочих проблем. Когда мне стало настолько легче, что я сумела собрать свою жизнь по кусочкам, я поехала к своему агенту в Нью-Йорк. И, хотя прошло уже шесть лет с моего последнего модельного показа, она была рада помочь мне найти несколько предложений модельных агентств за пределами страны. Когда она упомянула, что в модельном агентстве Curves как раз уволилась модель, являющаяся их лицом, и они ищут кого-нибудь на замену, чтобы представлять их бренд, я мгновенно ухватила за этот шанс. Мне нужно было время и пространство, чтобы обдумать, как жить дальше, когда вернусь домой. Так что Марли быстренько упаковала мой багаж и отправила меня сюда.

Через пятнадцать минут после того как я приступила к обеду, приехал Эндрю. Он схватил меня в объятия и притянул к своему крупному телу, поцеловал в обе щеки, и снял пальто, небрежно бросив его на одно из кресел. Затем он устроился напротив меня, и я продолжила есть. Он приподнял брови, в его голубых глазах плясали искорки веселья.

— Что, черт возьми, ты сотворила с Сен-Жерменом?

Моя рука с куриной ножкой замерла возле рта.

— Ты о чем? Что он тебе сказал?

Он рассмеялся.

— Я знаю его уже пять лет. Видел, как уважительно он относится к женщинам,

буквально укладывая свои деньги им под ноги, чтобы убедиться, что они счастливы. Но чтобы забронировать один из его драгоценных дорожных номеров для кого-то из них? Думал, что не доживу до этого дня.

Селена

— Он владелец этого отеля?!

Эндрю кивнул.

— Черт, не может быть, — аппетит неожиданно пропал, и я опустила руку, которую держала у рта.

— В какие игры он играет? — пробормотала я, вытирая рот и руки мягкой льняной салфеткой. Ткань этой салфетки, кстати, тоже была шикарна.

Эндрю приподнял брови.

— Очевидно, что он не единственный, кто волнуется, — подмигнул он мне.

Я закатила глаза, поставила поднос на стол и села обратно на кровать.

— Он всегда такой...переменчивый?

Эндрю пожал плечами.

— Ремингтон, которого я знаю уже в течение пяти лет, обычно спокоен, даже в случае неприятностей. Я дождаться не могу, чтобы увидеть, чем вся эта история закончится.

Я схватила папку с моей программой на ближайшие три недели.

— Я не могу остаться здесь. Это чересчур... чересчур дорого.

Он поднял руку, отмахиваясь от моих опасений.

— Уверен, что Ремингтон не против.

— И, тем не менее, мне не следует оставаться.

— Что ты имеешь против этого? — он обвел рукой комнату и, судя по его интонации, я делала из мухи слона.

Не то чтобы я что-то имела против номера. То, как Ремингтон волновал меня, вот что беспокоило меня больше всего. Я не была готова к каким-либо сердечным привязанностям, а в случае с Ремингтоном мое сердце начинало биться с огромной скоростью.

Вовремя сеансов терапии после развода с Джеймсом, я поняла — чтобы ни случилось, это событие не должно определять, какой будет моя дальнейшая жизнь или как сложатся будущие отношения с кем-либо. Но также я не должна слепо бросаться в отношения с головой. Так что сейчас мне просто нужен был кто-то, с кем я могла бы пофлиртовать, потанцевать, возможно, заняться ни к чему не обязывающим сексом. Потом я спокойно вернусь домой, оставив прошлое далеко позади. У меня сложилось ощущение, что Ремингтон далеко не Прекрасный Принц, и, скорее всего, он представления не имеет как стать таковым. Он волк, который преследует свою добычу на новом уровне.

Перед поездкой во Францию я пообещала себе, что не буду заикливаться на своем неудачном замужестве. Что хорошего это может принести мне? Мое хорошее поведение не вернет Джеймса назад. У него уже новая жизнь. Как подумаю, что я пожертвовала своей карьерой ради его лживой задницы...

Глубоко вдохнув, я отогнала прочь это воспоминание и сосредоточилась на папке, которую держала в руках. Разберусь с Ремингтоном позже.

— Давай пройдемся по моему расписанию.

— Сыта по горло беседами о Сен-Жермене, я полагаю? — он широко ухмыльнулся.

— Заткнись! — я бросила в него подушку, угодив ему прямо в лицо, но это не помогло,

и он продолжал смеяться.

— Тебе нужно продолжать жить дальше, Селена. Твой бывший был ублюдком.

Я приподняла одну бровь.

— Ну я же ведь здесь, в Париже, разве нет?

— Тушэ, моя дорогая подруга,— он снова подмигнул мне, а затем опустил глаза на папку. — Готова к завтрашней презентации в лицее Сент-Бернадетт?

С широкой улыбкой на лице я кивнула. Если и было что-то, чего я ждала больше чем показ мод, так это возможность поболтать с подростками, пока я здесь во Франции. Как лицо Curves меня приглашали проводить презентации в школах, кружках и других мероприятиях для рекламной кампании «Любить свою фигуру — сексуально». Я всегда охотно соглашалась. Более молодая Селена, которую запугивали большую часть ее жизни, была готова выйти и поиграть.

Мы с Эндрю обсуждали детали моего расписания, когда зазвонил телефон. Звонил консьерж, чтобы узнать, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь.

Ремингтон, видимо, держит своих сотрудников в строгости. Как бы ни подавляла меня его щедрость, сердце продолжало глупо трепыхаться в груди от одного только осознания, что кто-то наблюдает за мной.

Серьезное выражение лица Эндрю стало самодовольным, словно он мог знать, о чем я думала и как себя чувствовала. Я закатила глаза, пытаюсь сдержаться и не улыбнуться. Эндрю был одним из моих самых лучших друзей, но не таким близким, как сестра или Грейс. Я перестала общаться с большинством своих друзей, после того как бросила модельную карьеру несколько лет тому назад. Ревность Джеймса не знала границ, и он постоянно твердил мне, что однажды я его брошу. Иногда мне интересно узнать, как можно обижать того, кому говоришь что любишь, и кто был твоим лучшим другом всю жизнь?

Фух. Снова я об этом.

Мы заказали кофе и пирожные в кондитерской отеля и продолжили прорабатывать мое расписание, сделав короткий перерыв, когда официант принес наш кофе.

В следующий раз мы отвлеклись, когда на часах было уже восемь часов вечера. Прохладный осенний ветерок заполнил комнату, залетев в открытое окно. Он пошевелил бумаги в папке и помог мне сбросить сонливость. Я все еще не привыкла к разнице во времени и зевала каждые пять минут. Эндрю бросил папку на стол, встал, вытащил мобильный телефон из кармана пиджака и протянул его мне.

— Мой номер уже в списке.

Не переставая зевать, я встала с края кровати, забрала у него телефон и поцеловала в щеку, после чего проводила до двери.

— Во сколько мы встречаемся завтра в холле отеля?

— Я буду ждать тебя в Сент-Бернадетт.

Я нахмурилась, но прежде, чем успела сказать хоть слово, Эндрю добавил:

— Водитель Сен-Жермена заедет за тобой в восемь утра.

— Но я думала мы...

— Он попросил меня передать, что тебя отвезет Адель. Кроме того, мне надо будет сделать несколько поручений перед началом презентации, — уголки губ Эндрю приподнялись в легком изумлении. — Он просто не знает, как реагировать на тебя, для него это впервые. Но он определенно хочет тебя. Ему просто нужна пара дней, чтобы собраться с мыслями. Поверь мне, решимость, которую я видел в его глазах... Ну, скажу тебе так, это

было несколько пугающе.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Я фыркнула.

— Ага, да. Он хочет меня так, как хотят пулю в висок.

Он наклонился поцеловать меня в лоб, который горел после сказанных им слов. Я надеялась, что моя кожа не обожжет его губы.

— Спокойной ночи, Лени.

Ну да, он выбрал правильное слово. Эндрю знает, что я смягчаюсь, когда он называется меня этим ласкательным именем.

Несколько минут спустя раздался стук в дверь. Тот же самый официант, который несколько часов назад принес кофе, стоял за дверью с тележкой, на которой стояла бутылка вина.

— За счет мсье Сен-Жермена, — он улыбнулся мальчишеской улыбкой, словно знал какой-то грязный секрет.

— Спасибо,— я скосила глаза на его бейджик, — Эрик. И когда мсье Сен-Жермен заказал это?

— Несколько минут назад. Он передает вам сердечный поклон, — и официант вручил мне белый конверт, который также как и первый, оказался запечатан красной восковой печатью с его инициалами на ней.

Как только Эрик ушел, я подцепила печать ногтем, и, покачав головой, аккуратно открыла конверт.

Добрый вечер, Селена.

Надеюсь, вы насладитесь роскошным французским вином. Адель будет ждать вас внизу завтра утром в 7:30.

Спокойной ночи.

Ремингтон Сен-Жермен.

Я отложила письмо на стол и взяла с тележки бутылку красного вина, чтобы прочитать, что написано на этикетке.

«Шато Арман Сен-Жермен», ниже было название вина — «Только самое лучшее для леди», а под названием затейливо написана буква «Р».

Кто же этот Сен-Жермен, черт возьми? Отец, художник, владелец отеля, возможно, винодел? Еще кто-то? Кажется, я его интригую, но даже представления не имею, как или почему именно я привлекла его внимание.

Цвет вина меня очаровал. Я решила, что завтра спрошу Эндрю о Сен-Жермене после презентации.

Селена

Я проснулась в пять утра. После интенсивной тренировки в ультрасовременном тренажерном зале отеля, я приняла душ и заказала завтрак в номер. Позавтракав, быстро скользнула в черную юбку-карандаш длиной чуть выше колен, разгладив рукой мягкую эластичную ткань. Надела блузку сливового цвета с кружевным воротничком и завязала ленту на поясе. После чего спустилась вниз и вышла из отеля, где меня уже ожидала Адель.

— Мадам Майклз.

— Доброе утро, Адель. И пожалуйста, зовите меня Селена,— я улыбнулась и скользнула на заднее сиденье автомобиля, испытывая облегчение от того, что со мной была Адель и меня не повезет кто-то совершенно незнакомый.

Я покопалась в своей сумке и вытащила оттуда письмо, которое написала прошлой ночью.

— Не могли бы вы передать это месье Сен-Жермену?

Она кивнула, взяла письмо и аккуратно убрала его в карман своего черного пиджака.

Мы приехали в лицей Сент-Бернадетт, расположенный в третьем округе, и в запасе у нас оставалось всего пять минут.

Эндрю топтался возле дверей лицея, болтая с Грейс. Он бросил взгляд в нашу сторону, так как машина остановилась прямо напротив, и хмурое выражение на его лице сменилось широкой улыбкой.

— Ты рисковала опоздать, Лени, — сказал он, спускаясь быстрым шагом вниз по лестнице мне навстречу, когда я открыла дверцу машины.

— Ужасные пробки, — объяснила я, приподнимаясь на носочки, чтобы поцеловать его в гладковыбритую щеку.

— Я думал, ты решила больше не пользоваться щедростью Сен-Жермена? — спросил он, приподнимая брови.

— Разве твой друг не настойчивый тип?

— Только когда он чего-нибудь очень хочет.

— Кто-то упомянул Сен-Жермена? Речь идет, случайно, не о Ремингтоне Сен-Жермене? — спросила Грейс, проходя мимо Эндрю и заключая меня в свои крепкие объятия. — Очень рада видеть тебя снова, Селена.

— Я тоже очень рада видеть тебя, Грейс. И, конечно же, снова оказаться в Париже.

Грейс улыбнулась, ее яркие голубые глаза, как обычно, искрились весельем.

— Выглядишь хорошо отдохнувшей. Я упоминала вчера, как это замечательно, что ты снова с нами? — она взяла меня под руку, подталкивая нас с Эндрю к дверям лицея.

Я улыбнулась и кивнула.

— Да, но я была бы не прочь услышать это еще раз.

Она пихнула меня плечом и рассмеялась.

При росте всего метр семьдесят, Грейс, тем не менее, представляла собой значительную фигуру в индустрии моды. Так же как и мне, ей непросто досталось то, что она имела. Она основала свою компанию десять лет назад, и первые три года работала со странами Европы. Два года спустя, я попала к ней через своего агента в Нью-Йорке на модельный показ в

Милане, где мы с ней и встретились впервые. Позднее в том же году, мне оказали честь, выбрав лицом компании. Грейс и я были хорошими друзьями, до тех пор, пока я не бросила все ради Джеймса. Когда я сообщила ей, что планирую вернуться в модельный бизнес, она сразу же предложила мне мое прежнее место. Предыдущую девушку уволили из-за несоответствия ценностям Curves. Уважай других, уважай свое тело, и, кроме этого, подбадривай других.

— Итак, Сен-Жермен? Этот красивый дьявол быстро действует, да? — спросила Грейс, прерывая мои мысли.

— Ты его знаешь? — спросила я, бросив взгляд в сторону Эндрю, когда телефон в его руке начал звонить. Он извинился и отошел в сторону.

Она рассмеялась.

— Только то, что он друг Эндрю и что какая-то газета назвала его «одним из самых сексуальных отцов-одиночек во Франции». Не помешает упомянуть, что он очень близок к Микеланджело, когда речь идет о живописи.

Мог ли Ремингтон когда-нибудь в прошлом сделать что-нибудь ужасное? Такой идеальный и талантливый парень обязательно должен иметь парочку скелетов в шкафу.

— Он был очень щедр и предоставил мне номер в своем отеле. И своего водителя.

— О, посмотрите-ка на нее, подцепила Сексуального Папочку,— мы посмеялись над этим, пока шли к дверям, которые вели в холл лица.

Как только я ступила на возведенный подиум, я оказалась в своей стихии.

Настоящая Селена не та, которую всегда обрабатывали в фотошопе для журналов и сглаживали ее пышные изгибы, настоящая Селена — с небольшим животиком, и сколько бы я ни занималась, я не могла от него избавиться, и он мне очень нравился.

Была одна девушка, которая выросла в Нью-Йорке. Она боролась за свое место, когда была ребенком и подростком, жаждала признания общества. Девушка, которая сбросила вес, следуя настоятельной рекомендации своего тренера по физкультуре в старшей школе, и после этого открывшая для себя мир моды. Девушка, которая регулярно покупала журналы «Vog», мечтая, что волшебным образом превратится в одну из высоких стройных моделей, украшавших глянцевые снимки. А когда она наконец-то осознала, что это не ее путь, она приняла себя такой, какая она есть. И после того как она начала периодически принимать участие в модельных показах одежды для полных, она стала питаться только здоровой пищей и много времени уделяла физическим нагрузкам. Она научилась пользоваться своим телом, своей фигурой, и она была хозяйкой своему телу. Я была хозяйкой, потому что той девушкой была я.

После того как я закончила свою речь, я глубоко вдохнула, ощущая бешено бьющийся пульс. Это всегда случалось, когда я воскрешала прошлое. Выражение глаз девочек, сидящих передо мной, изменилось, но в комнате по-прежнему было очень тихо. Я уже начала волноваться, может, я сказала что-то не так, но тут с сиденья в задних рядах зала поднялся высокий человек и зааплодировал. Спустя пару секунд все в зале присоединились, и я клянусь, мое сердце стучало громче, чем эти аплодисменты.

Ремингтон Сен-Жермен. Крошечная улыбка изогнула уголки его губ, а взгляд зеленых глаз был полон одобрения, и, черт возьми, я не могла оторвать от него глаз. Мое глупое сердце угрожало вылететь из груди и, упав с подиума, запрыгнуть прямо ему на колени.

Что он здесь делает?

Эндрю. Я повернулась в его сторону, но он лишь пожал плечами и развел руками,

словно говоря: «У меня не было выбора».

Я глубоко вздохнула и бросила быстрый взгляд на Ремингтона, наслаждаясь тем, как хорошо он выглядит в черном пальто и белой футболке с V-образным вырезом, обтягивающей его накачанную грудь.

Он стоял там такой высокий и такой сексуальный, и можно было сказать, что он является образцом изысканности. Если бы я не слышала, как он смеялся вместе с Адрианом, я бы подумала, что он практически никогда не смеется.

Я отвела от него взгляд. Мне пришлось это сделать, иначе у меня бы не получилось собраться с мыслями, так как они все разбежались в разные стороны.

Я повернулась, вышла из холла и зашла в одну из классных комнат, которую оборудовали для интервью. Группа девочек уже собралась внутри, ожидая начала. Мне нужно было прийти в себя, перед тем как я встречу с Ремингтоном лицом к лицу снова.

Селена

— Если бы я не знал тебя лучше, я бы подумал, что ты избегаешь меня, Селена.

Равновесие, которого мне удалось достичь в беседе с девочками, разбилось на крошечные осколки от звука его голоса.

Я резко выдохнула, сделала полшага и обернулась, чтобы столкнуться лицом к лицу с Ремингтоном, который твердо стоял на ногах, прислонившись плечом к стене позади меня. Если он и заметил, как я с вожделием смотрю на него, то виду не подал.

— Я вовсе не избегаю тебя.

На самом деле избегала.

Он издал смешок — низкий, мрачный и развратный.

— Тем не менее, вот он я, подстерег тебя в холле, в десяти метрах от туалетов. Чудесное выступление, кстати говоря.

— Рада, что тебе понравилось,— улыбнулась я. — Как долго ты там был?

— Достаточно долго.

Он сделал шаг ко мне. Я не отступила. По некоторым причинам, мне было любопытно узнать, что он собирается делать. Он запустил руку в карман и вытащил оттуда письмо, которое я попросила Адель передать ему.

— Адель передала мне записку от тебя. Я сделал так, потому что так хотел, и я хочу, чтобы ты жила в этом номере все время, пока будешь во Франции.

— Это уже слишком...

— Селена, пожалуйста,— он оказался прямо передо мной меньше чем за секунду. — Давай не будем спорить об этом.

Его взгляд был очень напряженным, от тела исходил жар, опаляющий меня. Такое простое слово раскололо мою защиту. У меня создалось впечатление, что слово «пожалуйста» большая редкость для него. Кроме того, мне все еще нужно было опробовать ванну.

— Хорошо, я останусь. Но только ради ванны,— сказала я, поддразнивая его. Я с удивлением осознала, как легко его дразнить, особенно когда он такой искренний. — Спасибо.

Он рассмеялся. Вау! Ему стоило бы делать это почаще.

— Она очень красивая, правда?

Он протянул руку к моему лицу, но она замерла в миллиметре от моей щеки. Он смотрел на меня так, будто ждал одобрения. А я не могла произнести ни слова, пока ждала, что же он сделает дальше. Сначала его пальцы скользнули по моей щеке, затем медленно погрузились в волосы, развязывая шарф, который я использовала, чтобы волосы не лезли мне в лицо. Он распустил мои локоны, а затем улыбнулся искренней счастливой улыбкой, похожей на ту, которую я видела на его лице, когда он общался с сыном.

— Выпей со мной кофе.

— Ч-что? — я заикалась, так как его предложение застало меня врасплох.

— Ты же хотела отблагодарить меня. Выпей со мной кофе.

Было что-то в том, как он смотрел на меня. Если бы он сейчас попросил меня взбежать

на Эверест, одетой только в лифчик, я бы, пожалуй, согласилась.

Стоп, стоп, Селена, попридержи коней. Это были очень опасные мысли.

Мне наконец-то удалось отвлечься от его мощной энергии, и я отступила на шаг назад.

— Разве выпив с тобой кофе, я отблагодарю тебя? В этом нет никакого смысла.

— Если ты не боишься оставаться со мной наедине, — ухмыльнулся он, с вызовом приподнимая брови.

О, да он в игривом настроении. Эта его сторона была новой для меня, но мне она понравилась даже больше чем следовало.

— Кроме того, я хочу показать тебе, что я вовсе не такой придурок, которого ты встретила несколько дней назад. Назовем это повторным дублем.

— Повторным дублем, — повторила я его слова. — Ты уверен, что это изменит мое мнение о тебе?

Он склонил голову набок.

— Да.

Этот мужчина был настолько уверен в себе, что это даже было довольно привлекательно.

— Мы с Адрианом улетаем в Прованс сегодня ночью. Мне будет гораздо спокойнее, если я буду знать, что улечу, не оставив о себе плохого впечатления. Или у тебя другие планы?

Мои планы включали в себя поездку в город, посещение нескольких достопримечательностей, одного или двух музеев, но за секунду я изменила решение. Ремингтон был мне любопытен.

— Хорошо, я выпью с тобой кофе.

Его глаза загорелись, и, хотя улыбка была краткой, напряжение в его плечах заметно ослабло.

— Я встречу тебя снаружи, — он развернулся и ушел.

Я направилась в туалет, и когда вернулась в холл, Ремингтон, Эндрю и высокий грузный мужчина, которого я никогда раньше не видела, тихо разговаривали. Ремингтон передал Эндрю лист бумаги. Эндрю нахмурился, но выражение его лица стало еще более хмурым, когда он просмотрел документ. Он поднял голову от бумаги и что-то сказал Ремингтону, перед тем как вернуть ее ему. Словно почувствовав мое присутствие, он вдруг посмотрел через плечо в мою сторону.

И тут случилось сразу три вещи. Эндрю засунул руки в карманы брюк и прокашлялся. Незнакомый мужчина переступил с ноги на ногу, и, пробормотав что-то, ушел. Глаза Ремингтона сузились, словно он просчитывал, как много я успела услышать из того, о чем они говорили.

Да что, черт возьми, происходит?

Сделав вид, что мне скучно, я разгладила руками юбку и прошла вперед.

Уголок губ Ремингтона красиво приподнялся с одной стороны.

— Эндрю, ты позволишь мне? — он сложил бумагу и поместил ее во внутренний карман своего пальто. Но перед этим маленький клочок бумаги выскользнул и приземлился на пол.

— Развлекайтесь, детишки, — сказал Эндрю, подмигивая мне, когда вручил мне мою сумку.

— Ты спланировал это, признайся? — пробормотала я ему в ухо, когда обнимала. Он

отклонился назад, положил руку на сердце, и его лицо приняло обиженное выражение. — О, прекрати паясничать, пожалуйста. Не надо притворяться, у тебя это не получается, Эндрю.

Он рассмеялся.

Отступив на шаг, я уронила сумку ровно на то место, где лежал крошечный клочок бумаги.

— Я такая растяпа,— смущенно сказала я и наклонилась, чтобы поднять сумку вместе с бумажкой, которую быстро затолкала в боковой карман сумки.

— Я довезу Селену до отеля, — пообещал Ремингтон, поддерживая меня под руку.

Эндрю самодовольно улыбнулся и повернулся к приближающейся Грейс. Он беззвучно произнес губами «позвони мне» и помахал мне рукой.

Пока я спускалась по ступеням, рука Ремингтона легонько сжимала мою руку, направляя к «Фантому», припаркованному неподалеку. Он дождался пока я сяду и пристегну ремень, затем обошел машину вокруг и сел на водительское сиденье.

Мои пальцы горели от желания прикоснуться к волоскам на его руке. Боже, какие они сексуальные. Большинство мужчин, которых я встречала, сбрасывали большую часть растительности на своем теле, и тот факт, что Ремингтон не удалял свою, доказывал, что он безумно сексуален. Я обратила внимание на его пальцы, лежащие на руле. Они были длинные и сильные, с чистыми подстриженными ногтями, и я представила, как эти пальцы притягивают меня за подбородок для поцелуя. Я сжала бедра, когда эта сцена промелькнула в моей голове.

Ремингтон привлекал меня. Я не могла отрицать этого. И это было не только из-за взглядов, которые он бросал на меня. Притягивала его трудно постижимая загадочная личность. Я хотела узнать, что может вывести его из равновесия. Возможно, мне вообще не нужен Прекрасный Принц.

Селена

— Хочешь поедим на воздухе?

— Конечно,— я посмотрела по сторонам, наслаждаясь теплой осенней погодой. — Я думала речь шла только о том, чтобы выпить кофе.

Он встряхнул рукой и посмотрел на часы на запястье.

— Мы вполне можем съесть ранний ланч.

Ремингтон припарковал «Фантом» недалеко от «Хаятта», отеля «дю Лувр», и мы пошли в сторону площади Карузель. Движением подбородка он показал, что мы должны перейти на другую сторону улицы. Мой желудок выбрал именно этот момент, чтобы сообщить, насколько я голодна. Краска залила мои щеки, и я втянула живот, когда справа от себя услышала мрачный смешок.

— Пойдем, — позвал Ремингтон, указывая на небольшой ресторан слева от нас.

У меня создалось впечатление, что ему не хотелось прикасаться ко мне, как недавно, когда мы уезжали из Сент-Бернадетт, так как сейчас он держал руки прижатыми к бокам.

Через двадцать минут мы с Ремингтоном уже были в парке Тюильри и шли по дорожке, обсаженной деревьями с обеих сторон. В руках Ремингтон держал пакет, в котором был упакован наш ланч. Красно-оранжевые листья хрустели под ногами, пока мы шли к свободной скамейке возле фонтана. Был прекрасный день, и я была рада, что он предложил поесть не в ресторане. Я пока не уверена, что готова находиться в тесном помещении с Ремингтоном.

Он вручил мне пакет с ланчем, а сам направился к знаменитому восьмиугольному фонтану за стульями. Принес три стула и поставил напротив меня. Затем забрал у меня пакет и разложил еду на одном из сидений, пока я стояла рядом и наслаждалась видом того, как он сервировал наш ланч.

— У меня получается? — задал вопрос Ремингтон как только мы сели. Он наклонился вперед, упираясь локтями в колени.

— Хмм, давай-ка посмотрим. Я сижу в одном из самых красивых мест в мире, и ты угощаешь меня. Пока все идет хорошо. Ты заработал положительные очки,— я улыбнулась, и положила кусочек курицы-гриль в рот, затем немного запеченных овощей. — Пока ты кормишь меня, мы будем друзьями.

Он рассмеялся и его взгляд задержался на моих губах на мгновение дольше, чем следовало, затем он перевел его на еду.

— Я, несомненно, запомню это, Селена.

И вот оно снова. То, как он произносит мое имя. Эта его интонация на последних слогах моего имени. Его колено коснулось моего, и хотя нас разделяла ткань одежды, это не избавило меня от дрожи, которая спустилась от живота вниз и обосновалась между бедер. Было в нем что-то безумно возбуждающее. Всего один его взгляд или прикосновение, и я уже чувствую желание. Я была далека от этого шутливого флирта в течение долгого времени. Мы с Джеймсом были вместе еще со старших классов школы, и я никогда не встречалась ни с кем кроме него. Я не приняла этот момент во внимание, когда решила не раздумывая отправиться на свидание.

Мой желудок сжался, и я поерзала на стуле. Что если я сказала что-то не так? Но я взрослая одинокая женщина, у которой чертовски долго не было секса, и которая хочет развлечься.

Мы ели в тишине, периодически нарушая ее вопросами и ответами на них. Я рассказала ему, как хорошо проводила время в Париже, когда была популярной моделью. Мы поговорили об Адриане, удачно избегая темы о его матери.

Ремингтон рассказал, что Адриан посещает дошкольное учреждение здесь в Париже и в Провансе, в зависимости от того, где он находится на неделе. И каждый месяц одну неделю он проводит с бабушкой. Я наблюдала за Ремингтоном, зачарованная тем, как смягчалось его лицо всякий раз, когда речь заходила о сыне.

— Эндрю сказал мне, что ты художник. Кто же тебя вдохновляет?

В его глазах загорелся огонек. Он сделал глоток вина из своего пластикового стаканчика и поставил его обратно на стул.

— Караваджо.

Я, должно быть, выглядела растерянно, потому что он вытащил из кармана свой телефон и, нажав несколько кнопок на экране, вручил его мне. Он продолжал говорить, не отрывая от меня взгляд, заставляя чувствовать себя в центре его внимания, так что в итоге я окончательно забыла, где нахожусь.

Господи, этот мужчина такой хороший и красивый, особенно когда у него такое расслабленное выражение лица.

Я вернула ему телефон и отвела взгляд, неожиданно почувствовав, словно он может заглянуть внутрь меня и увидеть, что там происходит. Как так вышло, что моя защита начала рушиться, а сердце снова начало болеть при мысли об очаровательном сынишке Ремингтона. Неожиданно боль потери, которую я уже давно не ощущала, сильно ударила по мне. Месяцы терапии не помогли притупить ее. Она всегда была там, медленно кипятилась под поверхностью, ожидая, когда же ее выпустят. И бац!

Часто моргая, я отложила пластиковые столовые приборы на бумажную тарелку и, схватив стакан с вином, сделала несколько больших глотков, надеясь, что это поможет стереть боль, скручивающую мои внутренности.

— Селена?

Я не могла поднять голову. Боже мой, я не могла. Если бы я сделала это, я бы точно разрыдалась.

Ох! Как же я ненавидела моменты, когда случалось подобное. Резкие смены настроения у меня случались крайне редко, но все же случались.

Сильные пальцы обхватили мой подбородок и деликатно приподняли его. К моим глазам приблизились живые зеленые глаза, потемневшие от волнения. Его способность понимать меня была почти пугающей.

— Я слишком быстро выпила вино,— объяснила я, смеясь и аккуратно вытирая слезы с уголков моих глаз.

— Вино, да? — он недоверчиво склонил голову набок, и мне захотелось спрятаться от его изучающего взгляда.

Что-то завибрировало неподалеку, и я потянулась за своей сумочкой, надеясь сменить тему, но Ремингтон убрал руку с моего подбородка и вытащил телефон из кармана брюк.

— Мама.

Выражение его лица немного смягчилось, пока он слушал собеседника на другом конце

линии. Разговор продолжался, переключаясь с английского на французский и обратно. Ремингтон выглядел счастливым, иногда посмеиваясь над тем, что говорила ему его мать.

— Я сейчас обедаю. Давай я перезвоню тебе позже, когда буду дома?

Он откинулся на спинку стула, его глаза встретились с моими.

— Да, мама, с женщиной. Ее зовут Селена, — пауза, затем... — да... нет, ты не можешь поговорить с ней... Да, не вовремя.

Он закатил глаза, и вдруг показался мне совсем мальчишкой, полным жизни.

Несколько минут спустя он закончил разговор, убрал телефон в карман и, взъерошив волосы, оставил руку на затылке.

— Мамочка замучила вопросами? — поддразнила я.

Он усмехнулся.

— Она уже некоторое время подталкивает меня к тому, чтобы я нашел себе кого-нибудь. Когда моя мать слышит, что я обедаю с женщиной, ее воображение делает десятиметровый скачок вперед, и она уже видит, как я надеваю кольцо на палец.

Я рассмеялась. Это был совершенно не тот Ремингтон, которого я встретила вначале, скорее тот, о котором мне рассказывал Эндрю.

— Ты вообще ни с кем не встречаешься? *Где мать Адриана?* — я сдержалась и не стала задавать последний вопрос. Мы так хорошо проводили время, и мне не хотелось портить настроение подобными вопросами.

Какое-то выражение промелькнуло на его лице, но еще до того, как я успела понять, что оно означало, все исчезло.

— Время от времени. Ну что, пойдём? — он сменил тему, встал, собрал тарелки и выбросил их в ближайшую урну, ввинтил пробку в бутылку с вином и протянул мне руку. Я сидела и смотрела на нее, пока он не приподнял вопросительно одну бровь. Возможно, это был вызов.

Я собиралась прикоснуться к нему. Действительно прикоснуться к нему.

Мой пульс стучал в ушах, и я схватила свою сумочку. Когда моя рука прикоснулась к его, я закрыла глаза на несколько секунд, наслаждаясь прикосновением наших ладоней. Он крепко взял меня за руку, и я почувствовала себя в безопасности. Глупо, конечно, но это было действительно так.

Как только я встала, он сжал мою руку и затем отпустил. Мне хотелось, чтобы он снова взял меня за руку, держал ее, но я не могла сама предложить ему это.

— А мать Адриана существует? — все-таки спрашиваю я.

— Нет, — сказал он ледяным голосом, остужая мой пыл. — Она умерла.

Я замерла на середине шага, повернувшись, чтобы посмотреть ему в лицо.

— О, Господи, мне так жаль.

Он изучал мое лицо некоторое время, затем покачал головой и горько рассмеялся.

— Нет необходимости извиняться.

Вот черт. Мне не нравилось, что именно я была виной хмурого выражения на его лице.

По пути к машине мы молчали, я покусывала нижнюю губу, пока Ремингтон молча размышлял о чем-то.

— Я снова потерял несколько очков, да? — спросил он.

Я покачала головой.

— Боюсь, это я потеряла свои. Спасибо за ланч. И мне правда очень жаль, что я спросила тебя о ней.

Он махнул рукой, давая понять, что не желает это слышать, и засунул руки в карманы.

Впереди нас стояла тележка со сладостями, и мне вдруг нестерпимо захотелось сладкого. Надеюсь, мне смогут предложить там что-нибудь вкусненькое.

— Ты не мог бы подождать меня? Мне нужно кое-что купить.

Он кивнул, и я оставила его стоять в тени дерева.

После того как я заказала сладкую вату и отошла в сторонку, пока готовили мой заказ, я вдруг вспомнила о клочке бумаги, который подобрала с пола в лицее. Я вытащила его и нахмурилась, увидев вырезанную из газеты букву К.

И что это, черт возьми, такое? Что может означать эта буква?

Я бросила взгляд через плечо на Ремингтона и убрала бумажку обратно в сумку. Эндрю и тот крупный мужчина выглядели взволнованными, а когда поняли, что я нахожусь поблизости, не захотели продолжать разговор.

— Нашла то, что хотела? — сексуальный голос Ремингтона раздался прямо возле уха, ворвавшись в мои мысли. Его щетина слегка царапнула по моей коже, когда он заглянул мне через плечо.

Я кивнула, указывая на сладкую вату, которую наматывали в огромный шар.

— Сладкая вата — решение всех проблем.

Я забрала вату из рук продавца и расплатилась за покупку. Затем оторвала кусочек и положила себе в рот. Глаза Ремингтона проследили за моими пальцами, как только сладкая вата исчезла у меня во рту.

Он отвел взгляд от моих губ и рассмеялся.

— Это касается и мировых проблем тоже?

— Особенно мировых проблем. Если бы кто-нибудь когда-нибудь только выделил время и послушал меня, мир мог бы стать гораздо лучше,— я улыбнулась, отрывая кусок ваты и протягивая его ему. — Хочешь немножко?

И не успела я убрать руку, как его губы, теплые и влажные, сомкнулись на моих пальцах. Он облизывал их языком, его глаза были темными и игривыми.

О. Мой. Бог.

— Вкусно? — поинтересовалась я хриплым голосом, когда он освободил мои пальцы из их чудесной темницы.

— Отличный вкус, — он облизнул губы, не отрывая от меня взгляда, его лицо находилось гораздо ближе, чем раньше. Я могла разглядеть каждую золотую крапинку в его глазах.

Я автоматически наклонила голову так же, как и он. Мы собирались поцеловаться? Не слишком ли рано для этого? О, Боже. Почему я задаю так много вопросов по любому поводу? Именно в тот момент, когда сексуальный парень выглядит так, словно готов немедленно проглотить меня живьем, я *раздумываю?*

Я мысленно себя пнула, когда он немного отстранился, изучая меня, и перевела взгляд на его подбородок, пытаюсь собрать мысли, которые разлетелись в разные стороны. Я была так поглощена им, не замечая, что скрывалось за этой легкой щетиной.

— Это что... ямочка? — мой палец неожиданно оказался прямо на ней. Я обнаружила, что когда нахожусь рядом с Ремингтоном, совершаю поступки, ни секунды не обдумывая их. До того как я успела убрать руку, он схватил ее и поднес ко рту.

Снова.

— Если одна маленькая ямочка сводит тебя с ума, ты должна увидеть вторую,— и он

повернул голову.

Господи. Кажется, я только что кончила.

Он облизал мой палец со всех сторон, нежно покусывая его кончик. Я застонала, пытаюсь вырвать руку, пока еще не поставила себя в неловкое положение перед всеми этими людьми, хаотично обступившими тележку.

Мое сердце бешено стучало, мне нечем было дышать. А он всего лишь показал мне свои ямочки и пососал мой палец.

Вот дерьмо, я, кажется, влипла.

— А ты опасный человек, Ремингтон Сен-Жермен.

Он рассмеялся, и все снова стало казаться правильным.

— Разве это плохо?

— Нет, — ответила я, размышляя, как, наверное, замечательно это могло бы быть, хоть разок пожить опасной жизнью. И неважно, кто что подумает. — Это очень даже хорошо.

Пока мы шли к машине, наши тела, словно притягивало друг к другу, наши плечи слегка соприкасались и мы задевали друг друга руками.

В отеле он остановился перед лифтом.

— Я еще не заработал максимальное количество очков?

Я кивнула, наслаждаясь искорками в его глазах.

— Почти. Могу я спросить тебя кое о чем? Пообещаешь сказать мне правду?

— Все что угодно. Я всегда буду стараться говорить тебе правду.

— Мне показалось, что ты был очень удивлен, увидев меня в первый раз.

Выражение его лица стало замкнутым.

— Это вопрос или утверждение?

— И то и другое, я думаю.

— Да. Ты напомнила мне кое-кого из моего прошлого.

Кого-то из его прошлого? Кого? Подружку? Жену?

— А теперь? — спросила я. — Что изменилось?

— Я понял, что вы разные как день и ночь. В тебе много света и доброты. Любая другая девушка, наверное, уже послала бы меня за то, как я обращался с тобой с самого начала. Но ты, ты удивила меня.

— А вы, сэр, хорошо влияете на мое эго, — я рассмеялась, но его лицо сохранило серьезное выражение.

— Мне искренне жаль, что я вел себя так с тобой, Селена. Простишь меня?

Я кивнула, размышляя, что же на самом деле случилось с матерью Адриана, поскольку настроение Ремингтона успело смениться с хорошего на плохое ровно за одну секунду после моего вопроса.

И как будто это было для него также естественно как дышать, его пальцы обхватили меня за затылок, притягивая ближе. Мои губы приоткрылись. Я предвкушала поцелуй, но он только поцеловал меня в обе щеки.

— *Спокойной ночи*, Селена, — прошептал он возле моего уха, после чего развернулся и ушел.

— *Спокойной ночи*, Ремингтон, — пробормотала я, потирая пальцами то место, где только что были его губы.

Селена

Следующие несколько дней почти ничего не происходило. Я не видела Ремингтона и ничего не слышала от него после нашего ланча в парке. Тем не менее он постарался, чтобы его присутствие ощущалось, позаботившись, чтобы меня хорошо кормили. Только вчера, кто-то из его персонала принес мне огромную коробку со сладкой ватой и его стандартное письмо, запечатанное красной восковой печатью. В некоторой степени я скучала по нему, хотя какой смысл скучать по кому-то, с кем знаком всего несколько дней.

Следующим пунктом в моем расписании была фотосессия нижнего белья, а до нее я была полностью свободна. Мой агент в Нью-Йорке составила расписание так, чтобы у меня было немного свободного времени. Я очень сильно скучала по матери, отцу и сестре, но все еще не была готова вернуться домой. Мне было нужно немного времени вдали от дома, чтобы прочистить мозги. Пожить, прежде чем я начну новую фазу своей жизни. Я скопила уже достаточно денег, чтобы открыть свой бизнес по дизайну модного нижнего белья для полных.

Эндрю был занят планированием предстоящих мероприятий, а Грейс уехала в Германию по работе. Так что по утрам я занималась в тренажерном зале, бегала или просто прогуливалась, а иногда позволяла себе понежиться в СПА-салоне отеля. Уже очень давно я не чувствовала себя такой расслабленной и избалованной.

Однажды вечером, по рекомендации Эрика — коридорного, который регулярно появляется на пороге моего номера — я решила отправиться в клуб «Арена 31». Ни за что на свете я не собиралась оставаться в отеле, когда снаружи, за этими четырьмя стенами Париж искрился жизнью. Поэтому, когда Эндрю позвонил проверить, как у меня дела, мы договорились встретиться в клубе.

Подбирая наряд, я хотела что-нибудь элегантное, но в тоже время, подходящее для флирта. Я выбрала черное платье без рукавов, с коротким широким подолом и золотым кружевом на лифе, надела чулки и втиснула ноги в золотистые туфли на каблуках. Поверх платья надела плащ длиной до колена, чтобы защититься от вечерней прохлады. Зажав клатч золотистого цвета под мышкой, я вышла из номера. Адель по-прежнему была в моем распоряжении, но сегодня мне хотелось чего-то необычного, так что я просто вызвала такси. Двадцать минут спустя я уже стояла возле «Арены 31» напротив высокого, со знакомыми голубыми глазами мужчины в костюме.

— Эрик?

Его губы медленно растянулись в улыбке.

— Мадам Майклз.

Он раскинул руки, словно собирался обнять меня, затем как будто опомнился и протянул руку в приветствии. Этот парень был весьма гиперактивным.

Я сморщила нос.

— Ты видел меня в моей, эм... пижаме и с засохшей слюной в уголках рта. После такого будет уместнее называть меня Селена, — сказала я.

Он покраснел, очевидно, вспомнив, как два дня назад доставил ужин в мой номер в десять часов. Кажется, мой Сексуальный Рыцарь в заботливых доспехах жадно наблюдает за

мной и следит, чтобы я была хорошо накормлена. Я легла спать в шесть вечера, пообещав себе проснуться и вызвать обслуживание номеров, но, услышав стук в дверь, испуганно подскочила и бросилась открывать, не проверив, как выгляжу после сна. Я слишком поздно поняла, что одна сторона моей ночной сорочки задралась, обнажая грудь. С тех пор мы осторожно обходили тот эпизод стороной.

— Так, значит, ты подрабатываешь охранником? — задала я вопрос, нахмурившись и осматривая вход и окрестности. Женщина, одетая в короткое кожаное платье, едва прикрывавшее ее зад, и высокие сапоги, продефилировала мимо меня. За ней следовала группа мужчин, одежда которых демонстрировала обнаженную кожу, у кого больше у кого меньше. Я что слишком нарядилась?

Он кивнул, и, видимо, почувствовал мое смущение, потому что его улыбка стала шире.

— Сегодня Пятница Фантазий. Каждый надевает то, во что мечтает быть одет, какой-нибудь наряд, который не подходит для общественных мест.

— Оу, — вероятно, завсегда и клубов мечтают продемонстрировать как можно больше обнаженной кожи.

Мой телефон зазвонил. Это был Эндрю, узнать, где я. Помахав Эрику, я легкой походкой направилась внутрь, стараясь не прикасаться к обнаженным участкам тел, находящихся повсюду. Пока я прокладывала себе путь к столику, где сидел Эндрю со своей женой Мари, меня толкали и сдавливали, а мои руки случайно прикасались к местам, к которым прикасаться совершенно не хотелось.

— Тебя тоже не предупредили? — спросила я, после того как обняла Эндрю и Мари. Он был одет в брюки строгого покроя и белую рубашку, а на Мари было миленькое короткое белое кружевное платье.

— Я здесь впервые. Но мы теперь знаем, как одеваться в следующий раз, не так ли, красавица? — он притянул Мари к себе и быстро завладел ее губами, даря глубокий поцелуй. Даже после почти восьми лет брака и рождения трех детей они вели себя так, как было во время моей первой встречи с ними.

— Боже, сегодня ведь ночь фантазий, все так откровенно одеты. Я даже думать не хочу, что этот ваш поцелуй — это прелюдия в стиле поцелую-ее-так-как-хочу-трахнуть-этой-ночью, — сказала я, смеясь.

Они отодвинулись друг от друга.

— Не стоит подавать ему таких идей, Селена, — ответила Мари со смешком, прижимаясь поближе к мужу.

Мою грудь сдавило, когда я увидела, как легко им было друг с другом. Как они любят друг друга. Не поймите меня неправильно, если кто и заслуживает быть счастливым, так это Эндрю. У него было очень трудное детство. Он переезжал из дома в дом, никто из семейных пар долгое время не хотел усыновить его. Родители Эндрю погибли в автомобильной катастрофе, а поскольку они не общались со своими родителями, не нашлось никого, кто бы захотел позаботиться о нем. В конце концов, все же нашлась одна пара, которая взяла его к себе. Они подарили ему свою любовь, которую он заслуживал, и обеспечили медицинский уход, в котором он нуждался.

Зависть змейкой проскользнула сквозь меня, и я ничего не могла поделать с этим. Мы заказали вино для меня и Мари, пиво для Эндрю и болтали, наблюдая за полуобнаженной толпой на этаже. Одна быстрая мелодия сменяла другую. Я не очень сильна во всех этих подергиваниях, которыми были заняты все на танцполе, так что я просто покачивалась,

когда звучала медленная мелодия, пока не увидела широко улыбающегося Эрика, прокладывающего дорогу сквозь толпу ко мне. Он был забавный — темно-русые волосы, льдисто-голубые глаза — и выглядел довольно горячо.

— Есть шанс попросить услышать какую-нибудь мелодию, которая не включает в себя повреждение щиколотки? — я попыталась перекричать музыку, чтобы он услышал меня. Он кивнул и подмигнул мне, перед тем как двинуться в сторону кабинки ди-джея.

— Ты нравишься мальчику, — сказал Эндрю, изучая меня сквозь ресницы и прижимая бутылку к губам.

Я закатила глаза.

— Да я ему в мамы гожусь.

Неужели я нравлюсь Эрику? Я видела, как его глаза задержались на моей груди, но да, это могло быть потому, что он увидел тогда больше, чем следовало бы.

О, Боже, я совращаю ребенка.

— Нравишься, нравишься, Селена, — поддакнула Мари. — Хватай мальчишку, пока какая-нибудь девчонка не увела его. Между вами, кажется, всего шесть лет разницы. Это не так уж и плохо.

— Вы двое чокнутые, — рассмеялась я. Как только музыка сменилась на более медленную, соблазнительную мелодию, я встала и начала танцевать. — Идемте, вы, двое, — я схватила их обоих за руки и потащила на танцпол.

Мари и я танцевали вокруг Эндрю, пока песня не закончилась. Когда началась другая мелодия, Эндрю схватил Мари, и подтолкнул меня в объятия мимо проходящего Эрика. И, Боже, Эрик оказался замечательным танцором.

— Тебя не уволят?

— Оно того стоит, — прошептал он мне в шею с улыбкой на губах.

Я что, правда, собираюсь сделать это?

— Это последняя песня и ты возвращаешься к работе. Не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

Он посмотрел на меня, и его взгляд напомнил мне взгляд щенка, которого пнули по ребрам. Твою ж мать!

— Ты ведь охранник здесь, — сказала я, пытаюсь найти тему для разговора, пока наши тела привыкали к движениям друг друга.

— Да. Преимущества этой работы просто удивительны.

Господи, он высокий и действительно милый, особенно когда улыбается мне вот так. Когда-нибудь он сделает какую-то женщину очень счастливой.

— Преимущества, правда? — приподняла я бровь. — Ты планируешь всегда работать в отеле? Мне кажется, что твоя стихия — это музыка.

— Мне нравится взаимодействовать с людьми, и работа в отеле «Катерина» предоставляет мне такую возможность. Я собирался стать военным, но, к сожалению, мне пришлось уйти из-за травмы. Вернулся в школу, чтобы изучать гостиничный менеджмент, а все остальное уже история. Сейчас я работаю по ночам в клубах и встречаю красивых женщин, — он криво улыбается мне и шевелит бровями.

Я рассмеялась, когда он закружил меня. Его руки сомкнулись на моей талии, обхватили мое тело и скользнули вниз по ногам. Я ахнула и обернулась, чтобы посмотреть ему в лицо, но не удержала равновесие и оступилась, а когда выпрямилась, уже была в руках Ремингтона.

— *Бонжур*, Селена.

— Ремингтон? — мое сердце учащенно забилось, я моргнула несколько раз, чтобы убедиться, что бог, который держит меня, реален.

Я скучала по нему. В какой-то мере. Я снова задумалась, логично ли скучать по кому-то, с кем знаком всего пару дней.

— Что ты здесь делаешь? Где Эрик?

Он притянул меня вплотную к себе, прижимаясь своей щекой к моей. Его руки обнимают меня крепко, как стальные канаты, так, словно он никогда не собирается отпускать меня.

— У тебя с ним свидание?

Боже, его голос убил меня.

— Нет, он направил меня в это место. Как ты узнал, что я буду здесь?

Не то чтобы я имела что-то против.

Он неожиданно развернул меня лицом к себе, его хватка внушала безопасность. Уверенный. Смелый. И когда он притянул меня к своему телу, моя грудь плотно прижалась к его твердой, *твердой* груди, его руки автоматически легли на мои бедра, словно там им и было место.

— Эндрю сказал, но, думаю, ты уже итак догадалась. Мне нужен номер твоего телефона, чтобы мне не пришлось угрожать задушить его всякий раз, когда мне нужно узнать, где ты. Ты скучала по мне?

Я улыбнулась, уткнувшись лицом в его плечо.

— А ты?

Он вздохнул.

— Да. Я скучал. У меня не получается долго оставаться вдали от тебя.

Он притянул меня еще ближе к себе и, сместив одну руку с моего бедра, скользнул по всей длине руки, нашел мою руку и переплел наши пальцы. Вторая рука также покинула мое бедро и переместилась на нижнюю часть спины, притягивая прямо *туда*, где я почувствовала огромную выпуклость в его брюках. Я задрожала и прижалась ближе, наслаждаясь ощущением его рук на моем теле гораздо больше, чем, наверное, следовало. Музыка продолжала грохотать вокруг нас. Я тайком вдохнула его мятный одеколон с легкими нотками запаха леса.

Не зная, что делать со своей свободной рукой, я обхватила его за шею, пропуская сквозь пальцы его мягкие, шелковистые волосы на затылке. Чем дольше мы танцевали, тем теснее он прижимал меня к себе, до тех пор, пока между нашими телами не просочился бы даже воздух. Я ощутила, как рука на нижней части моей спины напряглась несколько раз, прежде чем обхватить меня еще крепче.

— Мой Бог, твоя попка. Я хочу играть грязно. Кусать. Лизать. И снова кусать.

Я хихикнула, ощущая себя счастливой, свободной и опьяненной от его присутствия рядом со мной.

— Что случилось с Угрюмым Ремингтоном?

— Угрюмым? — повторил он мои слова, отклонившись, чтобы посмотреть на меня, его губы слегка изогнулись. — Я не угрюмый. Сколько ты выпила?

— Один или два бокала вина. Ах, да, ты просто гуру угрюмости, — сказала я, пожимая плечами. У меня не было привычки много пить, особенно на вечеринках, где было много людей. Я боялась, что кто-то мог подсыпать мне в напиток какой-нибудь из неизвестных

наркотиков и изнасиловать. Или я могла потерять контроль над тем, что происходит вокруг меня. Ремингтон притянул меня ближе. Я почувствовала, как его эрекция сильнее вжалась в мой живот, и я без ума от того, что произвожу на него такой эффект. Он что, прямо сейчас еще немного увеличился у него в штанах?

— Расскажи-ка мне, что еще ты собираешься сделать с моей попкой.

Он склонил голову набок и посмотрел на меня, прищурился.

— Я лучше покажу тебе, чем буду все это описывать.

Его глаза не отрывались от моих, рассматривая меня. Поглощая. Обжигая своим дыханием. Я растворилась в его прикосновениях. Потерялась в его взгляде. Среди тысяч кружащихся вокруг тел был он, и только он. Я могла ощущать, как сильно и быстро билось его сердце, в том месте, где моя грудь соприкасалась с его, а, может, это билось мое сердце. Но, черт возьми! Ремингтон Сен-Жермен был очень сильным, сексуальным и обворожительным. Он словно наркотик в моих венах.

— Поужинай со мной, — пробормотал он.

Я не ответила ему сразу же. Я не могла. Мой разум все еще пытался собраться и перегруппироваться. Я бесцельно блуждала взглядом по помещению, заполненному посетителями клуба. Ремингтон словно почувствовал мое нежелание отвечать. Он не давил на меня. Просто держал близко к себе, покачивался вместе со мной, позволяя просто наслаждаться моментом.

— Да, я поужинаю с тобой, — в конце концов выдохнула я ответ; мои глаза неожиданно замерли на мужчине недалеко от нас. Его злой взгляд быстро пробежался по залу, перед тем как вернуться к месту, где стояли Ремингтон и я. Мужчина надел темные солнцезащитные очки, затем развернулся и ушел. Он выглядел очень знакомо.

— Ремингтон, кто тот мужчина, вон там?

Его руки напряглись вокруг меня.

— Какой мужчина?

— Там. Клянусь, я уже видела его несколько раз.

— Может быть, кто-нибудь из охранников клуба.

Я фыркнула. Я ведь почувствовала, как он напрягся, когда задала вопрос. В дополнение ко всему, было еще таинственное письмо и крошечный кусочек бумаги, который я подобрала с пола. Мне нужен был ясный рассудок, чтобы подумать обо всех этих вещах.

Когда песня закончилась, я наклонилась к уху Ремингтона и сказала, что мне нужен перерыв. Каблуки убивали меня, и мне нужно было дать отдохнуть ногам. Я направилась обратно к нашим местам, Ремингтон шел позади, соблюдая уважительную дистанцию, несмотря на то, как мы танцевали. Когда мы сели, он положил мои ноги себе на колени и снял с меня туфли.

Боже, его прикосновения были прекрасными и возбуждающими, как и сам мужчина.

Он кивком головы подозвал проходящего мимо официанта, пока массировал мои ступни. В этот раз я попросила воды, а он заказал себе пиво. Ремингтон был здесь и, учитывая то, как я реагировала на него, мне хотелось думать трезво. На танцполе я была смелой и шокирующе кокетливой, но сейчас я напугана тем, что могу сделать, если буду полностью и бесповоротно очарована им.

Следующие два часа мы провели, болтая и смеясь вместе с Эндрю и Мари. периодически танцевали, меняясь партнерами. Чем дольше я наблюдала за ним, особенно когда он танцевал с Мари или, казалось, был в глубоких раздумьях, тем больше восхищалась

им. Всякий раз, когда он брал ее за руку и вел на танцпол, мне хотелось вернуть его ко мне. Конечно, они были всего лишь друзьями, и я осознавала, что в действительности, он не был моим. Какое право я имела ревновать?

Но это меня не останавливало.

После того как мы попрощались с Эндрю и Мари, Ремингтон отвез меня обратно в отель, и также как в прошлый раз, довел до лифта и остановился.

— Я заберу тебя завтра в семь. Надень что-нибудь, подчеркивающее эти изгибы, и оставь волосы так, как они уложены сейчас. Они мне нравятся, — он наклонился вперед, провел большим пальцем по моим губам, затем склонился ко мне и, почти прикасаясь губами к моему уху, шепнул, чем вызвал дрожь, которая прошла по всему позвоночнику. — Они мне чертовски сильно нравятся.

Ох! Этот мужчина собирается уничтожить меня своими словами и низким обольстительным голосом. Он невероятно очаровательный и одновременно пугающе задумчивый.

— Ладно, — мои губы неожиданно сами ответили, еще до того, как среагировал мозг. — Кажется, удовлетворить вас будет и в моих интересах, сэр.

Веселье исчезло с его лица, и на какую-то долю секунды я решила, что я сказала что-то не то, пока не заметила, как потемнели его глаза. Прищурившись, он смотрел на меня, и его взгляд опустился к моим губам.

Он глубоко вдохнул, казалось, будто ему потребовалась вся его энергия, чтобы втянуть воздух в легкие.

— До завтра, Селена, — он провел костяшками пальцев по моему подбородку в направлении рта, едва касаясь моих губ кончиками пальцев и оставляя жаркую дорожку на коже. Все что я могла — это просто стоять, смотреть в его глаза, загнипнотизированная, и наслаждаться легкой дрожью его пальцев. — У меня непреодолимая потребность узнать каково это — целовать тебя.

Но не успела я сказать «Заткнись и поцелуй меня», как он отступил назад и закрыл глаза на несколько секунд. Когда открыл их, голод все еще светился в его глазах. Он покачал головой, будто пытаюсь прояснить мысли, и ушел, оставив меня любоваться прекрасным видом на свой подтянутый зад в черных брюках. Я вдруг поняла, что у меня слабость к его задку. Как я могу сопротивляться, когда он так и кричит: *Укуси меня, отшлепай меня?*

У меня непреодолимая потребность делать различные вещи — некоторые из них, скорее всего, запрещены в каких-нибудь странах — с твоим ртом и задом, Ремингтон Сен-Жермен.

Я покачала головой, улыбнулась, когда в моей голове начала зарождаться идея, и когда я зашла в свой номер, она расцвела во что-то пугающе волнующее.

Теперь завтра для меня вряд ли наступит слишком быстро.

Селена

Если бы несколько дней назад кто-нибудь мне сказал, что я пойду на свидание с Ремингтоном Сен-Жерменом, я бы решила, что он чокнутый. Тем не менее, вот я раздумываю, что мне надеть.

Я вышла из душа, вытерла волосы полотенцем, чтобы просушить их, и направилась к кровати, на которой был аккуратно разложен мой наряд. Я надела белое бесшовное шелковое нижнее белье с кружевной отделкой по поясу трусиков и на лифчике, и чулки с подвязками. Села перед трюмо поближе к окну, чтобы нанести макияж.

Ремингтон появился у двери ровно в семь часов. Если Ремингтон в джинсах, свитере крупной вязки и спортивной куртке выглядел сексуально, то в смокинге он выглядел просто ошеломляюще. Мой взгляд прошелся по его фигуре, останавливаясь всякий раз, как только грязные мысли начинали появляться в моей голове.

Что-то было не так. Его грудь часто вздымалась и опадала, как будто он боролся за каждый вдох. Крошечные капельки пота появились на лбу. Его лицо покраснелось, а пальцы рук, опущенных вдоль тела, дрожали. Он выглядел... напуганным.

— Привет, — произнесла я, делая шаг в сторону, чтобы впустить его.

Не раздумывая, я машинально прижала ладонь к его лбу. Он прижался головой к моей ладони и прикрыл глаза.

Жара не было. Я отняла руку, он резко открыл глаза, и я ясно увидела, как в его глазах мечется паника. Что его так потрясло? Боже, все это вызывает беспокойство, и какую-то долю секунды я даже обдумываю возможность наличия у него раздвоения личности. Эндрю забыл предупредить меня об этом?

— Заходи и посиди немного, — я взяла его за руку, когда увидела, что он не пошевелился ни на миллиметр.

Он сел на стул, и когда я повернулась, чтобы принести ему бутылку с водой, зарылся лицом в ладони, опираясь локтями в колени.

Как только бутылка с водой оказалась в его руках, он залпом выпил три четверти. Затем снова сел и краски наконец-то вернулись на его бледное лицо.

Я не была уверена, что нужно сказать или сделать, поэтому опустилась в кресло рядом с ним, ожидая. Ужин все еще в силе? Или лучшим решением будет отменить все?

— Никто и никогда раньше не был так воодушевлен по поводу ужина со мной, — я метнула на него взгляд.

Он поднял свои потрясающие зеленые глаза, в которых больше не было страха, и пристально изучал меня, как мне показалось, несколько долгих минут. Его лицо ничего не выражало.

Затем он улыбнулся, а потом улыбка переросла в смех. Столь чудесный звук из такого аппетитного рта.

— Я пришел к твоей двери, похожий на маньяка, а ты превратила все это в шутку?

Я пожалала плечами, улыбаясь.

— У меня черный пояс по карате. Я надеру тебе задницу раньше, чем у тебя будет возможность приблизиться ко мне.

Он моргнул.

— Серьезно?

Я рассмеялась.

— Нет, конечно. Но мне всегда хотелось беззаботно произнести эту фразу при случае.

— Ну и какие ощущения?

— Чудесные, будто я и вправду могу кому-нибудь надрать задницу.

— Боже, ты действительно маленькое сокровище, не так ли? — сказал он, когда его смех затих.

— Не уверена, что «маленькая» подходящее слово, чтобы описывать меня. А вот насчет «сокровище» полностью согласна, — я ухмыльнулась ему, наслаждаясь тем, как изумленно блестят его глаза.

— Ты смелая и поразительная, — он взял мои руки в свои, потирая большими пальцами запястья. — Маленькие замкнутые пространства пугают меня до чертиков.

Вау. Этот мужчина такой многогранный. Кажется, я только начинаю его узнавать.

Он произнес это так, как будто это не имело особого значения. Но легкая дрожь его тела говорила об обратном.

Я сжала его руку в успокоительном жесте.

Он встал со стула и помог мне подняться, наконец, осознавая, что я уже полностью одета. Прошелся взглядом по мне, осматривая каждый миллиметр моего тела. Когда его глаза вернулись к моему лицу, он сглотнул. С трудом сглотнул.

— Нам все еще предстоит посетить ужин, *ta belle* (*фр. моя красавица*), — он выпустил мои руки.

Я удивленно приподняла брови. «*Моя красавица*»? Этот мужчина полон сюрпризов.

— Сегодня вечером ты моя и ты красивая, — он осмотрел комнату, словно искал что-то. — Ты эти туфли собиралась надеть?

Он указал на туфли от Лабутена на шпильках и с красной подошвой, которые стояли под трюмо. Я кивнула и уже хотела отправиться за своей обувью, но он схватил меня рукой за запястье.

— Садись, — команда была довольно мягкой. Категоричной?

Я села в кресло, наслаждаясь видом того, как черные брюки обтягивали его бедра, пока он направлялся в другой конец комнаты. Он вернулся с туфлями, и опустил на колени передо мной.

Я затаила дыхание, но оно бушевало в легких, пытаясь вырваться. Кожу начало покалывать, когда он склонил голову.

Господи, как приятно он пахнет! Когда его длинные сильные пальцы обернулись вокруг моей щиколотки, воздух прорвался через мои губы, и я плотно закрыла глаза. Это прикосновение было одновременно ледящим и обжигающим, его дыхание мягко ласкало мою кожу, влажная кожа...

Я распахнула глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как он отклоняется назад, облизывая нижнюю губу и лукаво улыбаясь.

Он что, только что поцеловал меня в ногу?

Он встал и отступил на шаг назад, словно для него все было правильно, в то время как у меня перед глазами постоянно прокручивалась только сцена этого однократного жаркого поцелуя.

— Нам лучше поехать, пока они не отменили бронь нашего столика.

У него очень красивые губы, которые очень хотелось целовать. Которые хотелось поглощать. Я задвинула свои похотливые мысли на задний план и встала, одернула свое темно-лиловое платье и разгладила руками ткань на животе. Затем прошла к кровати, взяла черный клатч, сережки и кольцо.

Я слышала, как он глубоко втянул воздух. Его горячий взгляд прожигал обнаженную кожу в вырезе на спине моего платья. Я широко улыбнулась, зная, что сейчас он не может видеть мое лицо.

Работает, как приворот. Каждый. Чертов. Раз.

Селена

Мы были почти возле лифта, когда Ремингтон приостановился и бросил взгляд направо на дверь, которая вела к лестницам. Он убрал руки в карманы брюк и посмотрел на меня, затем повернулся и взглянул на красные цифры на крошечном экране над дверьми лифта, указывающие, что лифт поднимается.

Что могло травмировать его так сильно, что даже одна только мысль зайти в лифт пугает его?

— Спустимся по лестнице.

Его лицо стремительно бледнело.

— Нет, — он посмотрел на мои туфли. Я закатила глаза, наклонилась, сняла их и взяла в руки.

Но Ремингтон, нахмурившись, упрямо отобрал их у меня и надел обратно мне на ноги.

В конце коридора открылась дверь и из номера вышла молодая пара, они хихикали и целовались, игнорируя нас. Одновременно с их появлением приехал лифт.

— Поедете на следующем, — сказал Ремингтон не терпящим возражений тоном, схватил меня за руку и затащил в кабину, отделанную изнутри бархатом.

Там он выпустил мою руку, повернулся ко мне спиной и прижался лбом к стенке лифта. Его дыхание с каждой секундой становилось все более прерывистым.

Мужчина собирался задохнуться и, вероятно, упасть в обморок прямо передо мной.

— Зачем быть таким упрямым? — пробормотала я, роняя на пол клатч и втискиваясь между Ремингтоном и стенкой лифта.

Он поднял голову и медленно приоткрыл глаза, смущенно встречая мой взгляд.

— Обними меня.

Он без колебаний выполнил мою просьбу и притянул меня к себе. Я начала поглаживать его по спине сверху вниз, иногда пропуская сквозь пальцы его мягкие шелковистые волосы на затылке. Боже, какие они мягкие. И его запах... так, наверное, пахнет Рай. Он был такой твердый, к какой бы части тела ни прикасались мои руки. Я не знаю, что делала, но, кажется, это помогало. Он склонил голову мне на плечо, зарываясь носом в шею. Его затрудненное дыхание начало медленно выравниваться, и хватка рук на моей талии ослабла.

Несколько секунд спустя в кабине раздался сигнал, оповещающий, что мы приехали. Он отстранился и посмотрел на меня так, словно видел впервые.

— Спасибо, — он убрал руки с моей талии, и, перед тем как выйти из лифта, наклонился и поднял с пола мой клатч.

— В любое время, — тихо сказала я, следуя за ним.

Он одарил меня мимолетной улыбкой.

— Я ведь могу принять твоё предложение. Откуда ты знала, что нужно делать?

— Я не знала. Честно говоря, мне просто хотелось, чтобы тебе стало легче.

Он разорвал наш зрительный контакт, когда кто-то позвал его по имени.

— Вернусь через секунду, — он подошел к стойке администратора, по-хозяйски зажав мою сумочку под мышкой, будто у нее могли вырасти ноги, и она бы сбежала.

Через несколько минут он вернулся, и, положив руку на нижнюю часть моей спины, вывел через двери отеля «Катерина» к «Фантому», припаркованному в пяти шагах напротив входа.

Вечер из очаровательного превращался в волшебный с каждым словом, которое говорил мужчина, сидящий напротив меня. Или это был эффект вина, которое я потягивала, пока позволяла Ремингтону Сен-Жермену и его акценту очаровывать меня. Святой Боже! Его акцент был чем-то средним между британским и французским. Это самая сексуальная вещь, которую я когда-либо слышала. Он задал мне ряд вопросов о моей семье и работе. Неожиданно для себя я отвечала без колебаний. С ним было так легко общаться. Не могу объяснить, почему меня притягивает к нему.

— Так ты, значит, намерена запустить дизайнерскую линию нижнего белья? — спросил Ремингтон, водя пальцем по кромке своего бокала.

Я кивнула.

— У меня степень бакалавра по художественному оформлению. У меня не было стартового капитала, так что, когда я увидела объявление о поиске модели размера 46+, я ухватилась за этот шанс. Я планирую работать моделью весь следующий год или чуть дольше, а затем уже смогу запустить свою линию.

— Отличный план, как по мне, — в его глазах искрилось, как мне показалось, восхищение. — Уже готовы какие-нибудь наброски?

Я снова кивнула.

— У меня обычно с собой записная книжка, на случай, если меня посетит вдохновение. А ты? Я заметила, что на этикетке винной бутылки значится твоя фамилия. За этим кроется какая-нибудь история?

— Да.

Он откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на меня.

— Какая? Что за история?

— Хмм, если я расскажу, то перестану быть для тебя загадочной личностью.

Я рассмеялась.

— Это очень самовлюбленно.

Он приподнял бровь.

— Я все еще не рассказываю.

Я покачала головой, улыбаясь.

— Отлично. Так, когда ты понял, что хочешь стать художником?

— Я знал это столько, сколько себя помню, и мама поддерживала мои стремления, покупая мне холст за холстом и кисти, — мы смотрели друг на друга, не отрывая взгляда, пока я первой не отвела глаза, смутившись миллиона вопросов, которые ясно читались в его глазах.

Мы молчали, тишину между нами нарушали только столовые приборы и разговоры других посетителей. В конце концов, он наклонился вперед, положил руки на стол между нами, взял мою ладонь в свою и стал разглядывать мои ногти.

— У тебя красивые руки, — сделал он мне комплимент, игнорируя тот факт, что ногти

сейчас обломаны по краям. Я волновалась всякий раз, когда он задавал вопросы о моей семье, и это отразилось на ногтях. После сегодняшнего вечера мне понадобится обновить маникюр. — Расскажи мне о своем бывшем муже.

Я резко выдохнула и попыталась выдернуть свою руку, но хватка его ладони была очень крепкой. Глаза Ремингтона были полны сострадания. Я уступила. Если я хочу справиться с болью и отвращением, которое испытываю к своему прошлому, то мне рано или поздно придется столкнуться с этим лицом к лицу.

— Его зовут Джеймс. Я знаю его всю свою жизнь, в буквальном смысле этого слова. Мы ходили в одну школу, и он был первым парнем, с которым я начала встречаться. Он сделал мне предложение, когда нам было по семнадцать лет. Вполне логично, что я вышла за него замуж, — я улыбнулась, вспомнив, с каким нетерпением Джеймс сидел перед моим отцом, пытаясь произвести на него впечатление джентльмена, и правильно попросить моей руки. Мой отец был впечатлен.

— Я любила его. А теперь я в разводе уже почти два года, — я замерла, ожидая боли, которая обычно появлялась, когда я произносила эти слова, но ничего не почувствовала.

Ничего не почувствовала! Это означает, что я наконец-то свободна?

Я улыбнулась сама себе.

— Тебе стоит почаще улыбаться, — сказал Ремингтон, и в сотый раз с тех пор, как он забрал меня из отеля, его взгляд скользнул по моим губам.

Поцелуй же меня, черт подери!

Мы снова замолчали, но в этот раз нам было комфортно молчать. Я не смогла вспомнить время, когда такая степень комфорта ощущалась между мной и Джеймсом, несмотря на то, что с ним мы провели много лет вместе. Этот был тот вид комфорта, когда два человека могут выразить все одним единственным взглядом, и понимают друг друга без слов, просто сидя и глядя друг другу в глаза. По крайней мере, так ощущала себя я.

— Не хочу, чтобы мои слова прозвучали как избитое клише, или ты посчитал меня мечтательницей, но ты веришь, что вещи происходят неслучайно? Люди ведь встречаются не просто так? — спросила я, запинаясь на каждом слове. Нас тянуло друг к другу, но это не причина, чтобы говорить вещи, которые могут быть неверно истолкованы как отчаяние и вынудят его убежать.

Он задумчиво изучал меня, затем поднес мою руку к губам и поцеловал ладонь. От контакта его губ с моей кожей закружилась голова и стало нечем дышать.

— Я верю, что есть причина, по которой люди появляются в нашей жизни. Мы могли бы встретиться пять лет назад, или два года назад, но мы встретились тогда, когда встретились. Может, это знак для нас забыть все плохое и наслаждаться хорошим, когда оно наступит. Я не знаю, Селена, — он сжал мою руку обеими ладонями. — Я не верю в сказки, но чувствую, будто знаю тебя вечность.

Я сглотнула, наблюдая, как он смотрит на меня.

— Вау.

Он улыбнулся, положил мою ладонь на стол и откинулся на спинку стула.

— У меня талант шокировать людей и заставлять их молчать, — он улыбнулся. — Итак, твое имя. Я размышлял о нем. Селена ведь французское имя? — спросил он, слегка хмурясь.

— Моя мать француженка, а отец с Ямайки. Они познакомились в кулинарной школе здесь в Париже, влюбились, и переехали жить в Америку тридцать пять лет назад. Так что... — я пожалала плечами.

— Это имя идет тебе.

Я улыбнулась как дурочка. Я занималась этим весь вечер. Этот мужчина определенно очень положительно влияет на мое эго.

Я наклонилась вперед, наслаждаясь тем, как его глаза скользнули вниз по моему платью. Передняя часть была скроена таким образом, что при наклоне вперед вырез платья слегка раздвигался, намекая на обнаженную кожу, но не слишком откровенно.

— А я слышала, что ты самый сексуальный отец-одиночка во всей Франции.

Казалось, ему было крайней непростой оторвать взгляд от моей груди.

— Мне, правда, интересно, что ты думаешь по этому поводу.

Я изумленно вскинула брови.

— Правда? Почему?

Его лицо посерьезнело, игривое выражение исчезло из глаз.

— Не знаю. Это важно, я полагаю.

Хммм. Еще один факт, указывающий, что Ремингтон не так уж идеален. Это очень располагало к тому, чтобы влюбиться в него.

— Уверена, ты замечательный отец. Что касается сексуальности, то я придержу свой вердикт при себе.

Он рассмеялся.

— Я что, не доказал свою сексуальность до сих пор?

О, давно доказал и даже намного больше.

— Тебе следует лучше стараться, — мы рассмеялись, затем я села обратно, поедая его глазами. Боже, я чувствовала себя смелой и сексуальной. Мне хотелось рисковать. — Знаешь, мы болтаем уже какое-то время, а я все еще не знаю, сколько тебе лет.

— Это имеет какое-то значение? Пока мы наслаждаемся компанией друг друга это ведь неважно, правда?

Я пожалала плечами, не желая портить настроение, но не удержалась и поддразнила его:

— Я просто хотела узнать, не нарушаю ли я какой-либо закон или что-то в этом роде.

Он рассмеялся.

— Мне тридцать три. А тебе двадцать шесть, — я округлила глаза, улыбаясь. Полагаю, Эндрю не удержался и разболтал ему какие-то подробности обо мне.

Я потягивала вино, изучая его с противоположной стороны стола.

— Что случилось в лифте?

Дерьмо! Я не планировала этого говорить.

Он напрягся, его губы сжались в тонкую линию с явным неудовольствием.

— Когда мне было одиннадцать, я застрял в лифте, когда приезжал навестить отца к нему в офис в Лондоне. Понадобился почти час, прежде чем меня вытащили оттуда. Мой отец, очевидно, считал целесообразным наказать меня, велел своим подчиненным ничего не предпринимать, пока он не отдаст распоряжение, — его губы скривились, и мне показалось, что это была ненависть. — Он преподавал мне урок за непослушание. Я больше никогда не приезжал к нему после того случая.

Господи, какая жестокость. Неудивительно, что с ним такое происходит в лифте.

Настроение изменилось, и это целиком была моя вина. Мне не следовало его спрашивать. Мне нужно вернуть беззаботного Ремингтона обратно.

— У меня к тебе предложение, — выпалила я первое, что пришло в голову. — Назовем это соглашением.

Его брови удивленно взлетели и он поудобнее устроился на своем стуле. В глазах блеснули нотки любопытства.

— Соглашение, — сказал он, и провел пальцем по нижней губе. Боже! — Ну, давай послушаем.

Я облизнула губы, пытаясь правильно выстроить слова в голове, что оказалось очень непросто, когда он так смотрел на меня.

Где соблазняющий дьявол, когда он так нужен? И так, будто я призвала его, он появился на моем плече, и я почувствовала себя смелее.

— Когда я уехала из Нью-Йорка, я пообещала себе, что не буду сдерживаться, если захочу чего-нибудь. И в течение трех месяцев, которые я буду здесь, я хотела приключений и... — он продолжал изучать меня, его пристальный взгляд не отрывался от меня. — Я хочу сказать что...

— Ты хочешь забыть бывшего мужа, с помощью интрижки с другим мужчиной? — спросил он. Ни осуждения, ни укора или даже любопытства.

Я покачала головой.

— Я делаю это не поэтому.

Менеджер ресторана, который время от времени проверял, не нужно ли нам чего-нибудь, появился у нашего стола, сложив руки перед собой. Он посмотрел на меня и слегка улыбнулся перед тем, как переключить все внимание на Ремингтона и спросить его подавать ли десерт. Окончание моей мысли, потерялось в переводе диалога, который они вели по-французски. Спустя пару минут менеджер удалился с довольным выражением на лице.

— Так почему, Селена? Почему ты делаешь это? — он посмотрел на меня непроницаемым взглядом, и я не могла понять, был он зол из-за того, что я сказала, или просто проверяет, насколько я серьезна.

Было так весело болтать с Ремингтоном последние несколько часов, эта беседа укрепила мою решимость спросить его. Раньше мысль о нем, как о моей французской интрижке, заставляла меня бежать в другую сторону, но он оказался не настолько плох, как я думала в самом начале.

— Потому что хочу этого для себя. Я устала быть девушкой, которая отдает себя, не задавая вопросов. Я хочу быть девушкой, которая получает то, что хочет и отдает себя взамен.

Вот. Я сказала это.

Ремингтон наклонился вперед, глядя на меня из-под ресниц, и прикусил нижнюю губу.

— А что, если мне недостаточно только флирта?

Мое сердцебиение ускорило в два раза, но я повторила его движение, наклонившись вперед. Его глаза слегка округлились, губы слегка изогнулись в уголках, очевидно, его удивило мое смелое движение. Так хорошо хоть один раз в жизни взять на себя ответственность за что-то столь приятное. Распутное, но очень-очень приятное.

— И чего ты хочешь?

— Секса. Горячего, грязного, частого секса, — одна бровь вопросительно приподнялась. Вызов.

Селена

Жар прилил к щекам, казалось, будто внутри меня кружит стайка бабочек.

— Чего-нибудь еще? — спросила я его.

Мамочка дорогая! Да я сама смелость!

— Я буду прикасаться к тебе, когда и где захочу, — рука, лежащая на столе, напряглась, как будто он боролся сам с собой, чтобы не сделать этого прямо здесь и сейчас.

— Согласна.

Гип-гип ура новой мне.

Уголок его рта приподнялся.

— Селена, я все время думаю, как же хорошо, что я успел найти тебя до того, как ты выкинула какой-нибудь фокус.

— Это можно понимать как «да»? — я вопросительно приподняла бровь. Было так весело бросать ему вызов.

Он откинул голову, рассмеялся, затем своими сильными руками художника прикоснулся к моим вискам, отбрасывая волосы с лица.

— Да.

— Хорошо, — я изучала его лицо, задержавшись на подбородке, покрытом щетиной.

Официант остановился у нашего столика, и поставил перед нами две тарелки с эклерами и кофе, но Ремингтон продолжал неотрывно смотреть на меня. Я начала осознавать, что если он поставил перед собой какую-то цель, то настроен очень серьезно.

Мне была необходима передышка от его взгляда, поэтому я схватила вилку и нож со стола и принялась за десерт.

— Боже, как же мне нравится, что ты ешь с таким наслаждением, — сказал он, потягивая кофе и наблюдая за мной поверх чашки. Затем поставил ее обратно на блюдце и начал есть свое пирожное. Наблюдать, как мужчина слизывает шоколадный крем с ложечки, еще никогда не было таким возбуждающим.

— Я не сижу на диетах.

Я быстро расправилась с десертом под его восторженным взглядом. Когда он закончил, он оттолкнул свою тарелку в сторону, затем встал, без усилий поднял и поставил свой стул рядом с моим. Сел так, чтобы его колени соприкасались с моими.

«Клево» подходящее для ситуации слово, Селена.

Я сглотнула и наблюдала, как он слегка наклоняется вперед. Он провел пальцем по моей шее, задержавшись там, где жемчужное ожерелье соприкасалось с кожей, намотал его на палец и легонько потянул. Придвинулся еще ближе, его глаза вбирали в себя каждую черточку моего лица, и склонил голову набок.

— У меня к тебе тоже есть предложение.

— Почему я не удивлена?

Он поднял глаза и посмотрел на меня.

— Хочу нарисовать тебя.

Я попыталась отстраниться, но он крепко держал ожерелье и не позволил мне этого.

— *Нарисовать* меня? Почему ты хочешь этого?

Он приблизился еще ближе, и мои губы ощутили его теплое дыхание.

— Потому что ты чувственная и красивая. Ты гордишься своей фигурой. Это сексуально и захватывает дух.

Боже, он серьезно думает об этом.

Я прикусила нижнюю губу, чувствуя легкую нервозность и в то же время любопытство. Я привыкла быть в центре внимания фотографа, но каким-то образом это должно быть более интимно. Каково это будет, быть центром его внимания? Я видела, каким сосредоточенным он был в течение всего ужина, но подозреваю, что когда дело касается живописи, он будет предельно сосредоточен.

Я кивнула, и, будучи не в состоянии находиться на расстоянии ни секунды дольше, сделала то, чего до смерти хотела сделать с тех пор, как мы сели за столик друг напротив друга в начале вечера. Провела губами по его губам, и рука, сжимавшая мое ожерелье, расслабилась, когда он прижал мозолистую подушечку большого пальца к моей верхней губе, обхватив ладонью мой подбородок.

— Это можно понимать как «да»? — спросил он, и низкий тембр его голоса послал волну жара между бедер.

Ведь да?

Жизнь не всегда предоставляет второй шанс. Мы постоянно говорим себе, что нужна передышка, нам нужно, чтобы жизнь текла медленно. Чертовски медленно. А мне хочется сумасшедшего флирта, безрассудно горячего, грязного и энергичного секса, чтобы все было безумно. Я хочу обоих — и мрачного и спокойного Ремингтона Сен-Жермена.

Я кивнула, дыхание остановилось при мысли, что этот красивый мужчина своими красивыми сильными руками увековечит меня на холсте. И будет прикасаться к моей шее, груди, бедрам.

Иисусе!

Я сжала бедра и судорожно выдохнула, когда этот образ возник в моей голове.

Он хотел меня. Меня, Селену. Девушку с избыточным весом, которая страдала от этого в детстве, лицо Curves, завоевывающую мир по одной крошечной частичке за раз, и в эту минуту я — объект внимания Ремингтона.

Ремингтон медленно выдохнул, повернулся и пробежался глазами по ресторану. Когда он обнаружил то, что искал, сразу же кивнул. Тот же самый официант, который обслуживал нас раньше, материализовался перед нами. Они очень тихо поговорили на французском. Я едва могла слышать, о чем они говорили. Затем официант ушел, даже не взглянув на меня. Ремингтон снова сконцентрировал свое внимание на мне, его горячий взгляд блуждал по моему платью.

Что он задумал? Ну, что-то помимо того, чтобы смотреть на меня так, словно готов съесть, как, например, съел свой десерт.

Несколько минут спустя официант вернулся, вручил Ремингтону связку ключей и снова ушел.

Мышцы под его белой рубашкой напряглись, когда он встал. Он наклонился, и его губы оказались прямо напротив моего уха, язык скользнул по мочке, перед тем как прикусить ее. Мое тело сжалось как пружина, я почти подпрыгнула на своем стуле от этого прикосновения.

— Вставай, красавица.

— Куда мы идем?

— В комнаты отдыха.

— Постой, постой, зачем? — прошептала я, пульс уже эхом отдавался в ушах, и жар растекался по всему телу. Один взгляд на его лицо — желание, озорство и намек на вызов в его глазах — уничтожил клетки мозга, оставшиеся у меня после нашего возбуждающего ужина.

— Для тебя — это три месяца секса и участие в нескольких актах, приносящих гедонистическое удовольствие. Для меня — я смогу рисовать и прикасаться к тебе. Когда и где захочу, — его брови медленно приподнялись в легком вызове, к которому я начинаю уже привыкать. — Звучит как сделка, которую стоит скрепить печатью наедине, разве нет?

— Мы можем сделать это здесь, — я показала на помещение ресторана. Я не смогу доверять себе наедине с ним. Мое тело в течение всего вечера сражалось со странным серьезным намерением плотно прижаться к его телу. У меня уже давно не было секса, и я боялась, что сорву с него смокинг и буду делать грязные вещи с его телом. И учитывая то, как он смотрел на меня весь вечер, с тех пор как мы сели друг напротив друга за столик, я была уверена, что он не будет иметь ничего против.

— Я предпочту сделать это наедине. Ты ведь не боишься небольшого поцелуя, да?

Я выпрямила спину. Мои предыдущие мысли, о том, что я не доверяю себе рядом с ним, были забыты.

Боюсь?

— Где комнаты?

Он улыбнулся, и на секунду мне стало интересно, во что я втянула себя.

— Третий этаж. Комната номер три. Лифт прямо по коридору, — он кивнул подбородком, покрытым щетиной, в нужном направлении.

— Встретимся там через две минуты, — произнесла я. *Боюсь, как бы не так!*

— Не заставляй меня ждать, Селена, — он порочно улыбнулся, развернулся и зашагал прочь своей обычной походкой. Размеренные, уверенные и целенаправленные шаги.

На меня снизошло озарение, что Ремингтону удастся заставить меня делать вещи, которых я никогда не делала раньше. Как будто он может читать мои мысли, видеть чего я боюсь, но очень хочу сделать. Он знает, когда и как бросить мне вызов.

Старая «я» начала бы возиться с клатчем, сомневалась бы насколько безопасно встречаться с Ремингтоном в уединенных комнатах. Новая «я» смаковала безрассудность ситуации, идея целоваться с ним всасос на людях была такой же новой и интригующей, как и сам мужчина. Более того, эта улыбка затронула во мне нужные струны, вынуждая вскочить со своего стула и последовать за ним. Предвкушение и желание несли меня вперед.

Селена

Я стояла в коридоре на красной ковровой дорожке и смотрела на золотую табличку с номером 3, пытаюсь выровнять учащенное дыхание. Мое тело находилось в противоречии с разумом. Я хотела этого, но боялась того, что ожидало меня по ту сторону черной деревянной двери.

Там всего лишь Ремингтон. Да. Мужчина, чье настроение меняется как направление ветра, и по каким-то причинам, мне хотелось узнать, что его возбуждает. Или что возбуждает меня, когда я нахожусь рядом с ним.

Не вынуждай меня ждать, Селена.

Мысленно повторяя эти слова, я бросила взгляд через плечо, перед тем как повернуть ручку и слегка толкнуть дверь вперед.

— Ремингтон? — позвала я, затаив дыхание.

— Входи, Селена.

Я шагнула внутрь и осмотрела комнату, освещаемую только тремя подвесными люстрами, равномерно развешанными на потолке. Окна во всю стену, а возле них овальный стол и шесть стульев вокруг. Шторы раздвинуты, открывая вид на звездное небо и улицу внизу. В центре комнаты бильярдный стол, в дальнем конце застекленный шкаф, в котором, я уверена, можно было найти спиртные напитки. Белые стены украшала всего одна картина. Обычная комната, в которую почетные клиенты ресторана — возможно, только мужчины — удалялись, если хотели в частной обстановке провести здесь еще какое-то время.

Наконец я обернулась, посмотрела на Ремингтона и с трудом проглотила слюну. Он стоял в дальнем конце комнаты, высокий, с широкими мощными плечами, его подбородок был вздернут, а руки скрещены за спиной. Флиртующий и веселый Ремингтон исчез. Вместо него появился мужчина, который излучал мощную сексуальность и контроль; казалось, он заполнил собой все пространство этой большой комнаты. На какую-то долю секунды я в нерешительности замерла и крепче ухватилась за дверную ручку. Мы смотрели друг на друга с противоположных сторон комнаты.

О чем он думает?

Он опустил руки и длинными неторопливыми шагами двинулся ко мне. Его глаза были слегка прищурены, когда он смотрел на меня, темный взгляд был полностью сосредоточен на мне. Я облизнула губы и проглотила комок нервного предвкушения, застрявший в горле. Не в силах сдвинуться с места, я замерла, вдыхая воздух маленькими глотками и быстро слабея.

Боже, я уже бесстыдно горю от желания, а он еще даже не прикоснулся ко мне.

Ремингтон остановился напротив меня и наклонился, его щека скользнула вдоль моей. Он накрыл мою руку, лежащую на дверной ручке, своей рукой, толкнул дверь и закрыл, повернув ключ в замке. Щелчок замка выстрелил в тишине комнаты, и я испуганно вздрогнула. Он забрал у меня клатч и швырнул его на маленький столик справа от меня. Затем его рука прошла вниз по обнаженной коже моей спины, пальцы зарылись в волосы, и он мягко потянул их.

Кончиком носа он провел по моему подбородку, глубоко втягивая воздух.

— Ты боишься меня? — спросил он низким хриплым голосом.

Ох, Боженька.

— Ты довольно напорист.

— Тебе не нравится напористость? — он отодвигается, чтобы посмотреть на меня.

— В моей жизни никогда не было напора, — объясняю я, задыхаясь и слабея. Конечно же, это пытка.

— Привыкай к этому. Потому что это единственная известная мне манера поведения. Мне бы хотелось, чтобы тебе было комфортно рядом со мной.

Затем он прижался губами к моей шее. Я окончательно перестала дышать, замерев в ожидании. Он выпустил мою руку, скользнул пальцами по моему бедру, по полушариям попы, слегка сжимая их, и застонал, отчего его грудная клетка завибрировала. Я выдохнула и закрыла глаза, испытывая головокружение и зная, что это влияние этого мужчины.

— Я хотел сделать это еще с той минуты, когда увидел тебя обнаженной в моей комнате, — пробормотал он, и я почувствовала, как его губы, касающиеся моей кожи, изогнулись в улыбке.

Я распахнула глаза.

— Ты хотел? — он кивнул, не отрывая губ от моей шеи, в то время как его рука медленно перемещалась под платьем, большим пальцем он рисовал круги на моем бедре, затянутом в чулок. — Мне показалось, что ты не был впечатлен той ночью.

— Наоборот, я был очень впечатлен. В тот раз, впервые за долгое время, мой член, разум и тело были в полном согласии друг с другом. Если бы я не ушел тогда, я бы швырнул тебя на кровать и трахнул. Жестко. Мне пришлось принять не один холодный душ, чтобы успокоиться, и это после двух неудачных попыток сбросить напряжение своими силами.

— Ну а меня не впечатлило то, как ты вел себя, когда увидел меня. Я бы покалечила тебя, если бы ты попытался притронуться ко мне.

— Я хочу извиниться за это.

И прежде чем я подготовилась к этому, одна его рука обхватила меня под коленями, он поднял меня на руки и направился к овальному столу. Я ахнула, шокированная его колоссальной силой, скользнула руками по спине и вцепилась в его плечи.

Я была под впечатлением. Вот тот мужчина, который способен поднять и нести меня на руках, не боясь надорваться. Не помню никого, кто когда-либо мог так легко и свободно поднять меня, будто я ничего не весила. Отныне все мое внимание принадлежало Ремингтону.

Он опустил меня на гладкую поверхность стола, раздвинул мои ноги, вклиниваясь между ними, затем сжал бедра и потянул на себя, давая почувствовать эрекцию. Я сжала ногами его бедра, вынуждая его снова застонать.

— Я должен прикоснуться к тебе, Селена, — бормотал он, его рука скользила под платьем по бедру, остановившись возле края моих подвязок. Он отстранился, его глаза смотрели только туда, где пальцы теребили кружево подвязок. Он посмотрел на меня и с трудом сглотнул.

— Я думала мы здесь для поцелуев. Не то чтобы я возражала, — пальцами я перебирала завивающиеся локоны на его затылке.

— Никогда не доверяй мужчине, если он говорит, что хочет только поцеловать тебя, — его сильные пальцы медленно двигались вверх между моих бедер, поглаживали кружево трусиков. Он замер, в глазах появилось вопросительное выражение, мне же хотелось

ощутить эти толстые длинные пальцы в себе.

— Тебе в том числе?

— Особенно мне, — хрипло ответил он, прижимаясь губами к моему рту и посасывая верхнюю губу. — Если я целую тебя, значит, я трахаю тебя. Без разницы, своим членом, пальцами или ртом, я все равно это делаю. Когда я раздену тебя, и ты будешь лежать передо мной, я буду поклоняться каждой крошечной клеточке твоего тела. Мой рот будет лизать и сосать, руки будут ласкать тебя, я буду кусать, *ma belle*, сильно и не очень. Но я буду кусать. И когда я, наконец, глубоко овладею тобой, ты будешь думать только о моем члене и моих губах.

Он несильно зажал мою нижнюю губу между зубами. Кончик его языка скользнул между моих приоткрытых губ, и мой язык ринулся навстречу, стремясь прикоснуться к нему.

Все тело горело от его слов. Ремингтон первый мужчина, который когда-либо говорил мне такие греховно грязные вещи, и, черт возьми, это было так возбуждающе. Он знал, что сказать и как прикоснуться, чтобы возбудить меня. Мои бедра дрожали, дыхание было таким же неровным, как и у него. Каким-то образом, мне хватило сил обхватить ногами его бедра, притягивая еще ближе к себе. Желая большего. Нуждаясь в продолжении. Я провела руками по его груди, наслаждаясь твердостью мышц под ладонями. Затем сделала то, чего никогда не делала раньше, удивив не только себя, но также, видимо, и Ремингтона, судя по тому, как расширились и потемнели его глаза. Я схватила его за галстук, намотала на ладонь и потянула на себя, скользнула губами по его подбородку, медленно двигаясь к сильной шее, и пососала ее.

Он застонал, запустил пальцы в мои волосы, зажал пряди в кулаках, и потянул назад, прижимаясь губами к моему уху.

— Селена, Селена, Селена. Ты так чертовски красива.

Он произнес мое имя с тем же пылом, с каким отчаявшийся человек произносит молитву.

Затем его рот завладел моим. В этом поцелуе не было ничего нежного. Он целовал меня агрессивно, властно, полностью покоряя и заявляя свои права. Наши языки переплетались, пробуя друг друга на вкус, исследуя, дразня. Ремингтон отодвинулся, и мой язык потянулся за ним, обводя его нижнюю губу. Я кусала его так, как мне уже какое-то время хотелось. Из его горла вырвался рык, и все мое тело задрожало. Я потянулась бедрами к нему. Терлась об него. Он двигал тазом, но этого мне было мало.

— Ты околдовала меня своим телом, ртом, *этим*.

Он выпустил мои волосы и одной рукой обхватил грудь, в то время как другой рукой скользнул вниз по моему телу, чтобы доставить удовольствие сквозь мягкую ткань трусиков. Большим пальцем он провел по соску, ставшему очень чувствительным и твердым. Наклонил голову, взял его в рот и начал сосать прямо через ткань, нежно потягивая.

— Ремингтон. Боже, Ремингтон, — с моих губ сорвался напряженный стон. Я чувствовала себя безрассудной, желание спиралью скрутило все внутренности.

— Боже мой, я чувствую запах твоего возбуждения. Так хорошо. Ты такая мокрая. Расскажи мне, что ты хочешь. Что доставляет тебе удовольствие, красавица моя?

Я чувствовала его везде. Мое тело было в плену всех этих ощущений, которых не было уже очень долгое время, которых в моей жизни никогда не было. Ремингтон не просто целовал или касался меня. Он вдохнул жизнь в мою кожу. Он поглощал меня. Всего одним дыханием он проник в меня, забрал все мои неуверенности и страхи, боль и хаос, и

превратил их в безудержную страсть. У меня не было слов, чтобы описать свои желания. Я даже и сама не знала, чего мне хочется.

Я отстранилась, чтобы перевести дыхание, но он снова притянул меня к себе, и продолжил целовать, как будто давая понять, что я никуда не уйду.

Естественно, я не собиралась покидать его объятий. Я хотела то, что он предлагал. Я очень-очень сильно этого хотела.

Он уткнулся лицом в основание моей шеи.

— Чего ты хочешь?

Я склонила голову набок, давая ему больше доступа к шее. Там. Именно там, он лизнул мою кожу, попробовал ее на вкус, затем провел носом по подбородку. Когда я не ответила, рука между моих ног замерла, прекратив свою сладкую утонченную пытку.

— Произнеси это вслух. Скажи мне, что тебе нужно.

Как будут ощущаться его губы на других частях моего тела кроме шеи, губ и груди? Будет еще лучше, горячее?

Неожиданно он отодвинулся, и мне стало холодно. Схватил меня за руку и потащил мимо бильярдного стола к окнам. Там он отпустил меня, прижал к прохладному стеклу и отступил на шаг, изучая меня темными жаждущими глазами. Я задержала дыхание, ожидая. Мое разгоряченное тело дрожало от соприкосновения с холодным стеклом.

— Положи руки на стекло и держи их там.

Я сделала, как он велел.

Он шагнул ко мне, и положил руки мне на плечи.

— Смотри на меня.

Я быстро кивнула, и облизнула губы в предвкушении. Как только его руки легли на мою грудь, я выдохнула и закрыла глаза. Он мягко сжал их, предупреждая. Я быстро распахнула глаза, чтобы увидеть, как его пальцы прокладывают дорожку, следуя вниз по моему телу, заставляя меня дрожать.

— Господи, твои прикосновения, Ремингтон, мне нравится ощущать твои руки на своем теле.

Он посмотрел на меня с легкой улыбкой на губах.

— А мне нравится ощущать тебя в своих руках. Напрочь захватывает дух.

Он провел пальцами по подолу моего платья и приподнял его, лаская внутреннюю сторону бедра. Одной рукой сдвинул мои трусики в сторону, и начал дразнить клитор, внимательно наблюдая за мной. Другой рукой провел вниз по спине и обхватил мою попу, притягивая ближе к себе.

Я бросила взгляд через плечо на темную улицу внизу.

— Ремингтон, я не думаю...

— Не думай, просто чувствуй. Расставь ножки пошире, я хочу попробовать тебя.

Мои бедра самопроизвольно сжались.

— Что?

Его глаза широко распахнулись, и я поняла, что он догадался. Он вытащил палец из трусиков и положил обе руки мне на талию.

— Ты никогда не занималась этим раньше, да?

Я покачала головой, и краска залила мое лицо. Джеймс не был сторонником орального секса. Он редко прикасался ко мне там, внизу, чем-либо еще кроме своего члена. Но Ремингтон, казалось, упивался этой идеей.

От этого открытия его глаза стали еще темнее, и рука, сжимающая мое бедро, задрожала.

— Я у тебя первый?

Я кивнула, не в состоянии понять выражение его лица, и тут же почувствовала, как руки на моей талии расслабились. Вот оно. Может быть, он был не заинтересован заходить со мной дальше поцелуев. Я приготовилась к отказу, который, я знала, был уже близко. Без предупреждения, он опустился на колени, поднял и закрепил подол платья на талии и зарылся лицом между моих бедер, оставляя крошечные поцелуи на коже. Его щетина царапала внутреннюю сторону бедра, и на секунду или десять я разучилась дышать.

Охренеть! Этот сексуальный, сложный мужчина делает мне мой первый куннилингус.

Его руки переместились от платья к трусикам. Он просунул пальцы под резинку и спустил их до лодыжек. Затем его сильные руки вернулись к моим бедрам, и раздвинули их еще шире. Бросив на меня последний взгляд, он снова зарылся лицом между моих ног. Как только его язык прикоснулся к моим складочкам, я забыла, что пешеходы на улице могут наслаждаться бесплатным шоу, глядя на нас. Я растворилась в самом приятном ощущении, которое когда-либо испытывала, и смотрела, как его голова покачивается, пока он дарит мне то, чего мне не хватало в этой жизни.

Все мысли растворились, тело напряглось в ожидании, пока его жаркое дыхание ласкало мою кожу. Он неторопливо целовал меня, будто в его распоряжении впереди целая ночь. Затем прикоснулся пальцами ко мне там, растягивая, вводя и выводя их, облизывая меня то нежно, то жестко. Он знал, что делать, чтобы заставить меня стонать.

Я убрала руки от окна, отчаянно нуждаясь в опоре, и ухватила за его мягкие волосы, сильно потянув их. Он застонал, и этот звук отозвался дрожью во всем моем теле, и мои колени ослабли.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Руки, Селена.

— Но мне хочется прикоснуться к тебе.

— Нет, — прорычал он, и я задрожала от этого отказа. Боже, он такой властный и мне это так нравится.

Я прижала руки обратно к стеклу, боясь, что он может остановиться, если я не буду подчиняться его требованиям.

Его рот ласкал нежную кожу внутренней стороны бедра, слегка прикусывая. Я стонала и дрожала, мое тело разрывалось от боли и наслаждения, а колени подгибались. Его руки сильнее сжали меня, прижимая к стеклу, чтобы поддержать мое тело. Он ласкал меня языком, ударяя по особенно чувствительному комочку нервов. Моя спина выгнулась и я застонала. Он зарычал от наслаждения и обхватил губами клитор, посасывая его, чередуя быстрый и медленный темп. Пальцем проскользнул внутрь меня, и продолжил работать языком. Я больше не могла выносить это.

— Я... я сейчас кончу!

— Правильно, Селена, кончи мне в рот, — его руки обхватили мою попу, он еще сильнее прижался ко мне ртом, продолжая свою сладкую атаку. Он одобрительно рыкнул, и этот звук дрожью отозвался в моем клиторе.

— Ты такая вкусная. Я мог бы заниматься этим сутки напролет и не насытиться.

После этих слов я взорвалась. Я всхлипывала, кричала, мотала головой из стороны в сторону, когда оргазм обрушился на меня. Не в силах держать глаза открытыми, я закрыла их

и увидела сверкающие звезды. Мои руки опустились, не в состоянии оставаться на стекле, и я начала падать, но не упала. Вместо этого я почувствовала, как сильные руки ловят меня и крепко держат, прижимая к теплой накачанной груди. Я позволила себе раствориться в аромате и силе Ремингтона до тех пор, пока мое дыхание не выровнялось.

Когда я наконец-то выплыла из своего оргазма; он целовал мое плечо, водил носом по моей шее, и шептал нежности на французском. Его пальцы нежно погладили мой подбородок.

— Ты в порядке?

Я открыла глаза и увидела, что он смотрит на меня нежным взглядом.

— Я... отлично. Спасибо, что не дал упасть.

— Я готов делать это постоянно, — он зажал мои волосы одной рукой, другой скользнул вокруг моей шеи и обхватил за подбородок. Потянул голову назад, и впился губами в мой рот. Я застонала, ощущая свой вкус на его языке, и углубила поцелуй, который закончился так же резко, как и начался. Он выпустил мои волосы из своей хватки, откинул их на спину и поцеловал ямку между шеей и плечом.

— Посмотри на меня, Селена, — хриплым голосом сказал Ремингтон. Я подчинилась, и мы уставились друг на друга. По какой-то причине я чувствовала смущение, и это странно, потому что я действительно наслаждалась тем, что его рот вытворял со мной.

— Ты такая отзывчивая, — сказал он, пальцами расправляя мои волосы.

Если бы он только знал!

Последний, кто прикасался ко мне в интимном плане, был мой муж. И даже тогда, он просто пошарил по моей груди, засунул в меня свое хозяйство, а когда закончил, просто отодвинулся и, не оглядываясь, вышел из спальни.

Сейчас, в объятиях другого мужчины я распадалась на части, как будто это был мой первый в жизни секс. Но из-за этого я чувствовала себя неловко. Каковы правила этикета, когда нужно посмотреть в лицо мужчине, подарившему тебе твой первый оральный секс в жизни?

Что я должна сделать?

— Эй, ты точно в порядке? — он приподнял мой подбородок, чтобы увидеть мои глаза, и я почувствовала, как начинают гореть щеки. Он прищурился. — В твоих глазах отражается все, что ты чувствуешь. В какую-то минуту, я думал, что потерял тебя. Где ты была, Селена?

— Я здесь, — ответила я, когда он помогал мне твердо встать на ноги. — Я просто... Ты кончил?

Он поцеловал мои волосы и усмехнулся.

— Я безумно хочу трахнуть тебя. Когда мы прокрались сюда, у меня только это и было на уме. Я никогда не сдерживался раньше, но сделал это сейчас, — он покачал головой, как будто сам не понимал, почему так поступил. — Я хочу быть внутри тебя, когда кончу. Это то, что тебя волнует?

Я открыла рот, но снова закрыла его и покачала головой. Мысли в голове все еще путались, и я боялась, что скажу что-то, о чем позже могу пожалеть.

— Нам надо идти.

Я повернулась, чтобы уйти, но он удержал меня за локоть, разворачивая лицом к себе.

— Поверь мне, Селена, мне так же сильно необходимо быть в тебе, как дышать. Но, — он обвел рукой комнату, — не здесь.

Я кивнула, не в силах говорить. Не уверена, что беспокоило меня больше. Тот факт, что

он нравился мне сильнее, чем я думала, или я была шокирована тем, как быстро привыкла к нему.

Мы вышли из комнаты, я сосредоточенно смотрела вперед, пока мы проходили мимо группы мужчин, направляющихся к одной из комнат отдыха. Мои щеки вспыхнули, когда я заметила, как несколько пар глаз посмотрели на меня и сексуального самца рядом со мной. Я выглядела такой же смущенной, какой ощущала себя? Рука Ремингтона на моей талии была очень нежной. Он прижал меня к себе, заявляя свои права. Безопасность.

После того как мы расплатились за наш обед, он схватил меня за руку и вывел из ресторана. Парковщик подогнал машину, и мы сели в нее. Мои чувства были взбудоражены, и мне не хотелось, чтобы этот вечер заканчивался.

Ремингтон положил свою руку мне на колено, и легонько сжал.

— О чем ты думаешь, Селена?

— Я сегодня очень приятно провела вечер, спасибо тебе.

— Он еще не закончился, — он улыбнулся мне, выглядя при этом очень молодым и беззаботным. Я вдруг поняла, что таким он был весь вечер, очень сильно отличаясь от того мужчины, который пришел за мной в отель. Он снова сосредоточился на дороге. — Тебе хочется приключений. Я тот мужчина, который тебе их обеспечит.

Мы уехали из ресторана и пятнадцать минут спустя припарковались напротив здания, похожего на склад. Он вышел, обошел машину и открыл мне дверь. Подал руку и, не выпуская моей ладони, повел к зданию. Бросив на меня игривый взгляд, он повернулся, достал что-то из кармана и направил руку с этим куда-то перед нами. Сразу же начали медленно подниматься металлические двери, и я увидела блестящую черную спортивную машину. Она напомнила мне пантеру.

— Что мы собираемся делать, Ремингтон? — задала я вопрос, когда возбуждение и страх достигли апогея.

— Ты никогда не ездила в спортивных машинах?

Я покачала головой, все еще разглядывая машину.

— Считай это своим первым разом, — он обхватил меня за бедра и прижал к себе. — Мне кажется, у нас впереди еще много «первых раз».

Затем жестко поцеловал, вырвав меня из моего изумленного состояния. Я бы могла целовать рот этого мужчины вечно.

— Готова? — спросил он, когда мы уже сидели в машине, надежно пристегнутые ремнями.

Ощущая невероятное возбуждение от нахождения внутри этой спортивной машины и от запаха кожи, окружающего нас, я кивнула, широко улыбаясь и крепко вцепившись в сиденье.

Машина завелась и зарычала, жар распространился по моим венам и между бедер.

Святые небеса!

Ремингтон нажал на газ, машина рванула вперед, и меня отбросило на спинку сиденья. Я кричала и смеялась, пока мы носились по улицам на окраинах Парижа. В какой-то момент я даже не знала, где мы находимся, но была уверена, что с Ремингтоном я в безопасности.

Когда он привез меня обратно в отель на «Фантоме», я была так опьянена гонкой, что едва дышала. Мы остановились возле лифтов, и он настороженно посмотрел на металлические двери. Но когда он перевел свой взгляд на мои губы, возбуждение переросло в острое желание. Он склонил голову набок, облизнул губы и наклонился ко мне. Обхватил ладонями мои щеки, и я почувствовала, как дрожат его руки, то ли от адреналина после гонки, то ли от желания, не могу сказать точно. Наши губы встретились, и он закрыл глаза. Это был мягкий поцелуй, как будто он изучал мои губы своими. Ремингтон нежно втянул мою верхнюю губу в рот и мягко пососал. Он никогда не упускал случая поцеловать меня, и сейчас был самый мягкий и эротичный поцелуй в моей жизни. Я хотела видеть, как он целует меня, поэтому не стала закрывать глаза. И была вознаграждена самым счастливым взглядом, который когда-либо видела на чьем-то лице.

— Спокойной ночи, Селена, — прошептал он в мои губы, его глаза были открыты и он наблюдал за тем, как я смотрю на него.

— Спокойной ночи, Ремингтон.

Он отстранился и зашагал прочь, оставив меня подпирать стену возле лифтов.

Теперь поцелуи других мужчин никогда не заменят мне поцелуев Ремингтона Сен-Жермена.

Селена

Вчера был один из самых чудесных вечеров за долгое время. Конечно, мы с моим бывшим ходили в рестораны, когда встречались. Даже после замужества все было хорошо, но со временем мы выходили куда-нибудь все реже и реже, пока не перестали окончательно. В большинстве случаев по вечерам я ужинала в одиночестве или отправлялась на ужин к родителям. Так что последние несколько дней были помещены в мой Банк Лучших Воспоминаний. Может быть, это как-то связано с тем, что прошлое, наконец-то, перестало удерживать меня. Или может быть, причиной изменений стал Ремингтон. Я заметила, что начинаю увлекаться им. Не знаю, как относиться к этому. Мне следует двигаться осторожно — развлекаться, но не вмешивать в это чувства.

Телефон, лежащий рядом со мной на полотенце, завибрировал, затем заиграла классическая мелодия. Я нахмурилась и поерзала на скамейке, на которой сидела в престижном закрытом бассейне отеля «Катерина». Я протянула руку к телефону, и жар опалил мои щеки, когда я увидела высветившееся на экране имя. Не припоминаю, чтобы устанавливала на его номер эту мелодию. Наверно, Ремингтон добавил ее вчера, когда записывал свой телефон в мой список контактов.

— Только не говори мне, что ты один из тех парней, помешанных на классической музыке, которые и дня прожить без нее не могут.

Сдавленный смех Ремингтона, как обычно звучал очень соблазнительно. Как ему удастся делать это без усилий? Уверена, он понятия не имеет, насколько чувственно смеется.

— Да, я один из этих парней, помешанных на классической музыке. Не хочешь приехать?

Улыбаясь, я подтянула ноги к груди и прижалась подбородком к коленям.

— Хмм. Есть причина, по которой ты меня приглашаешь?

— К Адриану в гости приехали несколько его друзей и мне нужна компания.

Упоминание о его сыне было уже достаточным поводом, чтобы я начала улыбаться как дурочка. Он был такой миленький и...

Я замерла, резко остановив поток своих мыслей. Мне нельзя так думать. Это ребенок другого человека, а я уже привязалась к нему, хотя через три месяца уеду.

Интересно, что сказала бы мой терапевт на это.

— Селена?

Голос Ремингтона вернул меня к разговору.

— Извини, мм... я отключилась ненадолго.

Он молчал несколько секунд.

— Ты в порядке? — его голос был низким и взволнованным.

— Да. У меня такая дурная привычка. Просто не обращай внимания, — я нервнo рассмеялась. — Что ты говорил?

— Причина. Я тебя накормлю. Я не только один из самых сексуальных отцов во Франции, но еще и отменный повар.

— Поосторожнее с этим, Сен-Жермен. Ты можешь стать чересчур заносчивым, если не

будешь осторожен.

Он рассмеялся.

— Так что скажешь?

— Полагаю, что я в настроении позволить меня накормить и побаловать.

— Ты даже не догадываешься, как сильно я хочу побаловать тебя, Селена, — его голос низкий и очень сексуальный, он посылает тысячи мурашек по всему моему телу.

Я плотно закрыла глаза и закусила губу.

— Ты умело пользуешься словами, Ремингтон.

— Я не только словами умело пользуюсь.

Я выдохнула, открыла глаза, и осмотрелась. Несколько постояльцев отеля рассредоточились по территории бассейна, все они были погружены в свои мысли.

— Я пришлю кого-нибудь за тобой через двадцать минут.

Уже через десять минут я была одета и ждала в холле отеля. Я надела обтягивающие джинсы, шифоновую блузку и легкий свитер. Сейчас день, и в доме будут играть дети, так что я нанесла легкий макияж. И в любом случае, на моем лице может оказаться размазана еда или Бог знает что еще.

Но даже эта мысль не уменьшила моего восторга от того, что я увижусь с Ремингтоном и Адрианом. Я бы даже сказала, что жду этого с нетерпением.

В холл вошел человек, который выглядел так, словно спокойно мог поднять небольшую гору голыми руками. Он снял солнечные очки, и я поняла, что уже видела его. Это тот самый парень, который разговаривал с Эндрю и Ремингтоном в Сент-Бернадетт. Он посмотрел на меня, и направился, или даже скорее решительно зашагал ко мне. Я выпрямилась, когда он остановился передо мной.

— Мадам Майклз?

— Да.

— Мсье Сен-Жермен прислал меня. Сюда, пожалуйста.

— А где Адель? — выпалила я. Этот мужчина выглядел пугающе. Безучастный взгляд его глаз совершенно не придавал его лицу дружелюбного выражения.

Он просто посмотрел на меня, затем кивнул головой в сторону выхода и отвернулся. Я быстро достала свой телефон.

Кто этот Вин Дизель, которого ты прислал?

Я встала и поправила ремешок своей сумочки на плече. Сжав телефон в руке, поспешила за мужчиной, но остановилась, когда телефон завибрировал.

У Адель сегодня выходной. Прости, забыл сказать, что тебя заберет Жиль. Он мой хороший друг. С ним ты в безопасности.

Я споткнулась.

В безопасности с ним?

Я нажала кнопку отправить и сразу же получила ответ.

Я имею в виду, что он хороший водитель. Почти такой же хороший, как я. ;)

Я рассмеялась, последовала за Жилем к машине и сделала мысленную пометку, что нужно немного пошатнуть самооценку Ремингтона, когда я наконец-то увижу его.

Мы ехали уже десять минут по направлению к загородному дому Ремингтона на Монмартре, когда я заметила, что Жиль каждые несколько минут поворачивает голову и смотрит в зеркало заднего вида. Его глаза были надежно спрятаны за стеклами очков. Повернувшись на сиденье, я вывернула шею, чтобы проверить, что его там так беспокоит. И

не увидела ничего необычного. Машин в это время дня почти нет.

Я откинулась на спинку сиденья, в животе спиралью свернулось беспокойство, которое я ощущала последнюю неделю. Я погрузилась в размышления, поэтому, когда Жиль неожиданно развернул машину и рванул по объездному пути, я вскрикнула и меня тряхнуло на сиденье. Раздался гудок и визг колес по асфальту.

— Что происходит? — спросила я, прижимая руки к груди и бросая взгляд в окно и обратно на Жилу.

— Просто избегаем сумасшедших водителей на дороге, — голос низкий, грубый и очень громкий. Он ему очень подходит.

Я снова выглянула в окно. Жиль ехал по узкой улице, часто посматривая в зеркало заднего вида. Когда «Пежо» притормозил на светофоре, машину неожиданно сильно тряхнуло. Я закричала, закрывая голову руками и пряча ее между колен.

О, Боже, О, Черт возьми, Боже!

Наступила тишина. Единственное, что я слышала, это как пульс грохочет у меня в ушах и свое затрудненное дыхание.

— Жиль? — позвала я, немного приподнимая голову и оглядываясь.

— Все в порядке, мадам Майклз, — его голос звучал напряженно. Я осторожно опустила руки, и заглянула за его сиденье. — Все в порядке, — сказал он, набирая номер на телефоне.

Несколько секунд спустя, он уже тихо разговаривал с кем-то по телефону. Мой французский не очень хорош — жаль, что я не прилагала усилий в его изучении, хотя моя мать настаивала на том, чтобы разговаривать со мной и с моей сестрой на ее родном языке — и «опасность» и «машина» это все, что мне удалось понять. Затем он начал говорить еще тише, и я наклонилась вперед. Это было чересчур любопытно и, возможно, грубо с моей стороны, но если речь шла обо мне, я *должна* была знать.

— *Я не разглядел лицо*, — говорил Жиль. — *Идиот умчался прежде, чем я успел разглядеть номерной знак*. Затем... — *Она в порядке*. Пауза. *Она спросила, но я не сказал ей*.

Неожиданно я почувствовала, как ярость наполняет меня. Руки на коленях сжались в кулаки и меня начало трясти от затаенного страха. Беспокойство, которое я ощущала уже некоторое время, распространялось в груди, и к тому моменту, когда мы приехали к Ремингтону, я была готова взорваться.

Что если... что если...

Я покачала головой, когда все возможные варианты пронеслись в голове.

Если этот человек, кто бы он ни был, преследовал меня... но нет, я не *настолько* знаменита. Я слышала, что моделей преследуют, но я всего лишь капля в море модельного мира.

Мне необходимо поговорить с Ремингтоном, пока я не свела себя с ума вопросами.

Оторвавшись от разглядывания рук, я поняла, что Жиль стоит возле двери, смотрит на меня и ждет. Я не могла понять, о чем он думает, так как его глаза по-прежнему были надежно спрятаны за стеклами очков. Я перекинула ремешок сумочки через плечо и позволила помочь мне выйти из машины, вложив свою ладонь в его руку. Каким-то образом мои нервы слегка успокоились.

Селена

Когда я вошла в дом, Ремингтона не было ни в гостиной, ни в кухне, но я слышала голоса, доносящиеся откуда-то из внутренней части дома.

Я поднялась на второй этаж в поисках ванной. Плеснула себе воды в лицо, схватила несколько бумажных полотенец и опустила крышку унитаза, где просидела некоторое время, успокаивая нервы. Затем быстро подправила подводку на глазах, нанесла блеск на губы, затолкала всю косметику обратно в сумочку и вышла из ванной. Прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди, у двери в ванную стоял Ремингтон.

Белая футболка плотно облегла его руки и грудь, а голубые джинсы подчеркивали мускулистые бедра.

Снизу доносились голоса, визжали дети, а затем раздался такой заразительный смех, что мне захотелось побежать вниз и присоединиться к ним.

Но Ремингтон снова был Мистер Напряженность.

— Ты в порядке?

Я прислонилась к стене рядом с ним и откинула назад голову.

— В порядке ли я? Хмм. Нет. Не совсем, — я повернула голову в его сторону, чтобы посмотреть на него, делая вид, что спокойна, но глубоко внутри все во мне переворачивалось, когда я вспоминала случившееся по пути сюда. — Что происходит, Ремингтон?

Он опустил руки и встал передо мной, прижав одну руку к стене возле моей головы. Наклонился вперед и провел носом по моему подбородку.

— Ничего, о чем бы тебе стоило волноваться.

Я сделала глубокий вдох и задержала дыхание, борясь с дрожью, путешествующей по моей спине.

— Это имеет какое-то отношение ко мне?

Он прижал вторую руку с другой стороны от моей головы, захватывая в плен, и губами прижался к моей шее.

Я застонала, поворачивая голову набок.

— О Боже, Ремингтон, — мои пальцы запутались в его волосах, — ты пытаешься отвлечь мое внимание, Сен-Жермен, — я прикоснулась губами к его губам, целуя его, перед тем как отстраниться. — Я хочу знать.

Он прижался лицом к основанию моей шеи, его теплое дыхание согревало мою кожу.

— Давай поговорим об этом позже, ладно?

— Нет.

Он отодвинулся, чтобы посмотреть на меня.

— Не сейчас. Позже, когда тут не будет детей.

Я обиженно фыркнула, отрывая взгляд от него, чтобы посмотреть в сторону лестницы.

— Отлично. Никаких увиливаний?

Он обхватил мой подбородок рукой, возвращая мое внимание к нему.

— Никаких увиливаний.

Когда мы спускались по лестнице, Адриан увидел отца и меня, и помчался к нам,

заскользив, чтобы остановиться возле нижних ступенек.

— Селена! — закричал он, и на его личике заиграла милая улыбка, в которую я влюбилась в первую же секунду, когда увидела эти зеленые глаза.

Отпустив руку Ремингтона, я поспешила вниз по лестнице, схватила его в свои объятия и нежно сжала, наслаждаясь ощущением его маленького подвижного тельца.

— Как ты, тигренок?

Он отстранился, прикрыв ладошкой ротик, и захихикал.

— Хорошо. Папа? Мы можем поплавать в бассейне?

— На улице прохладно...

Адриан прервал его, повторив свою мольбу быстрым потоком слов на французском. Рассмеявшись, я поставила его обратно на пол, положила сумочку на столик у стены, и отправилась к кухонной стойке, чтобы посмотреть смогу ли я чем-то помочь.

— Ты приготовил все это? — спросила я, рассматривая ряд блюд, стоящих передо мной.

— Я же сказал, что хороший повар, — он подмигнул мне, и я рассмеялась. Он выглядел таким беззаботным и красивым, и мне очень нравилось, каким уверенным он был в своей мужественности. Это было нечто потрясающее.

— Ты справляешься со всеми этими детьми в одиночку?

Он кивнул и улыбнулся.

— Я занимаюсь этим — принимаю друзей Адриана — уже не первый год. Когда ты одновременно и отец и мать ребенка, которому менее года, ты быстро учишься разным вещам. Иногда Адель помогает, а иногда, когда у меня много работы в офисе, я нанимаю помощников. Но в большинстве случаев я все делаю сам. Я на все готов ради него.

Ох ты ж. Как этому мужчине удастся только с помощью слов и действий ошеломить меня?

Я подошла к тому месту, где он стоял, положила руку ему на затылок, притянула вниз к себе и поцеловала. Затем отклонилась, наблюдая, как его глаза засветились голодным блеском.

— Зачем ты это сделала, *ma belle*?

— Потому что ты такой... — он наклонил голову набок, пока я пыталась подобрать правильное слово. Затем я вспомнила, что собиралась преподать урок его эго, — милый, — наконец говорю я, убираю руку и направляюсь в сторону кухонной стойки... я чувствую, как его взгляд прожигает мне спину. Дерзко улыбаюсь ему через плечо, и мои шаги замедляются.

Его глаза в недоумении округляются, словно он не может поверить, что я выбрала именно это слово, затем он прищуривается.

— Это кошки милые. Собаки милые. Адриан и прочие спиногрызы где-то там *милые*.

Он направляется ко мне крадущейся походкой, выражение его лица опасное. Я срываюсь с места, оббегаю вокруг стойки, хихикая. Сбрасываю балетки с ног и занимаю выгодную позицию.

— Милый.

— Возьми свои слова назад, пока я не поймал тебя, иначе я не буду нежным.

Я качаю головой, и бегу к другому краю стойки, пока его длинные ноги сокращают расстояние между нами.

— Неа. Мы должны немного охладить тебя. Твое самомнение вышло из-под контроля.

— Моего самомнения, — рычит он, притворяясь, что поворачивает влево. Я делаю

рывок вправо, но слишком поздно, и он набрасывается на меня, хватая и спиной прижимает к своей груди, — как раз в меру. Милый, говоришь, да? Я сделаю все, чтобы ты поняла, что это слово ни в коей мере не описывает меня. Даже близко.

Ерзаю попкой по выпуклости на его джинсах, прекрасно ощущая волну жара, исходящую от него. Слышу крики и взрывы смеха из игровой комнаты, которая находится дальше по коридору.

— Ладно. Назови мне слово, которое будет описывать тебя, не повышая твою и так завышенную самооценку.

Он проводит носом по моей щеке, склоняя голову, чтобы прикусить кожу у основания шеи. Его рука проскальзывает под блузку, шершавая ладонь круговыми движениями ласкает мою кожу. От его прикосновений между бедер зарождается острое желание.

— Я Ремингтон, мать его, Сен-Жермен. Нет такого слова, которое бы описывало меня.

Я повернула голову, чтобы посмотреть ему в глаза, и не смогла сдержать смешок. Затем увидела, как в его глазах плещется веселье и желание, и рассмеялась.

— Так, значит, ты находишь это забавным?

Но ответить я не успела, его рот обрушился на мой, прерывая мое дыхание и смех. Он целовал меня так, будто это был наш первый с ним поцелуй, так, будто ждал этой возможности всю свою жизнь. С такой страстью, что, когда он оторвался от моих губ, мы оба задохнулись.

— Я готов слушать твой смех всю свою жизнь, Селена.

— А я готова всю жизнь целовать тебя и мне всегда будет мало. Ты великолепно целуешься, Сен-Жермен.

— Только потому, что я целую твои губы. Такие очаровательные и идеальные.

От этих слов в моей груди распространилось тепло.

Весь день я провела с Ремингтоном и шестью мальчишками, и я буду помнить этот день очень долго. Он изображал лошадку, ржал и пускался в галоп. Я же была королевой и ведьмой. Ремингтон позволил детям заколоть себя пластиковыми мечами, когда изображал дракона, а затем перевернулся и щекотал их всех по очереди.

Сразу после ужина приехали родители и забрали своих детей. Адриан зевал, потирая глазки.

— Папа, она может прочитать мне сказку на ночь? — спросил Адриан, указывая пальчиком на меня.

— У нее есть имя, Адриан, — сделал ему замечание Ремингтон, когда мы заканчивали очищать и складывать грязные тарелки в посудомоечную машину.

— Селена! — выкрикнул Адриан, когда я бросила полотенце, забежала за угол кухонной стойки и погналась за ним. Когда я поймала его, он засмеялся.

Смех замер в горле, когда я обернулась посмотреть на Ремингтона. Он стоял, облокотившись на стойку, и пристально смотрел на нас. Его руки лежали на бедрах, а эмоции на лице сменяли одна другую, будто он боролся сам с собой. Наконец, он принял какое-то решение, и кивнул нам.

— Ты уверен? — спросила его я. Я не хотела врываться в их жизнь и нарушать привычный уклад.

Он беззвучно сказал мне «Да», когда Адриан зевнул еще раз.

Сразу после того как Адриан почистил зубы и переделся в пижамку, он устроился под одеялом и выжидающе посмотрел на меня.

— Какую книжку ты хочешь, чтобы я тебе почитала, тигренок?

Он взял с тумбочки у его кровати книжку.

Это... это так чудесно. Я сделала глубокий вдох и начала читать. Сначала было сложно вспомнить, как читать на французском, но после нескольких абзацев, стало легче.

Спустя двадцать минут, я, улыбаясь, вышла из комнаты Адриана.

Когда вернулась в гостиную, Ремингтон сидел в кресле, без рубашки и с бокалом вина в руке. Я замерла на несколько минут, любуясь красивым мужчиной, который настолько погрузился в свои мысли, что не услышал, как я вошла в комнату. Я изучала взглядом его тело. Накачанный пресс, мускулистые руки, но не слишком. Темные волосы на груди, переходящие в узкую полоску, которая спускается по животу и исчезает в джинсах. Верхняя пуговица джинсов расстегнута.

Святые небеса.

Словно услышав мои мысли, он поворачивает голову в моем направлении. На его губах появляется улыбка, глаза исследуют мои ноги, а затем возвращаются к груди. Мои соски твердеют, когда я вспоминаю все, что было в комнате отдыха в ресторане.

Как же сильно я подвержена его обаянию.

— Готова? — слово эхом разносится по комнате, увеличивая напряжение между нами.

Я прочищаю горло и скрещиваю руки на груди, затем подхожу и становлюсь перед ним. Он встает с кресла, подносит бокал с вином к моим губам и немного наклоняет. Я делаю большой глоток, и между бедер становится жарко.

К чему, предполагается, я должна быть готова, к сексу? Или к разговору? Еще во время ужина, мысленно я представляла, как это будет, когда полностью обнаженный Ремингтон будет на мне. Во мне. А еще я думала о страхе, когда та машина врезалась в нашу, по пути к дому Ремингтона.

— Я хочу нарисовать тебя.

Селена

— А я хочу поговорить.

Он настороженно потер рукой лицо, затем поставил бокал на столик и начал мерить шагами комнату.

— Давай забудем про это на время. Позволь мне нарисовать тебя.

Я бросила на него сердитый взгляд.

— Почему забудем?

Он резко остановился, повернулся и подошел ко мне.

— Потому что я не хочу, чтобы этот человек встал между нами. Сегодня был такой замечательный день. Я хочу еще ненадолго растянуть удовольствие. Жиль уже занимается этой проблемой. Пойдем со мной, пожалуйста. Мы поговорим после, даю слово, — я чувствовала настойчивость в его голосе. Он протянул мне руку. — Давай еще немного времени проведем друг с другом.

— Ты ведь понимаешь, я буду настаивать на том, чтобы ты сдержал обещание, правда?

Он кивнул. Я вложила свою руку в его и увидела, как расслабились его плечи. У нас все равно впереди вся ночь для разговоров.

Мы с Ремингтоном прошли вдоль коридора мимо кухни. По обе стороны на белых стенах висели картины.

— Какую живопись ты предпочитаешь? — спросила я, бросая взгляд через плечо на Ремингтона, идущего позади меня, и увидела что он пялится на мою попу. — У тебя слабость к моей попе, да?

— Хмм. У меня слабость к каждой, даже самой крошечной части твоего тела, — неожиданно его рука скользнула вниз по моей спине. Он растопырил пальцы, обхватил мои ягодицы и нежно сжал их. — Мне близок реализм.

— Ладно, для картины ты получаешь мою попу в свое полное распоряжение на сегодняшний вечер.

Без предупреждения он резко развернул меня и прижал к стене. Обхватил мои запястья обеими руками и наклонился ко мне.

— Только на сегодняшний вечер?

— Да. И, кстати, ты отвлекаешь меня. Предполагалось, что мы поговорим о том, что случилось сегодня, Сен-Жермен.

— Знаю, — он прижался своим лбом к моему и закрыл глаза. — Я просто хотел, чтобы этот вечер закончился на приятной ноте. Мы ведь можем сделать так? Поговорить об этом позже?

— Сначала ответь на один мой вопрос. Это имеет какое-то отношение ко мне?

Он медленно открыл глаза и закусил нижнюю губу, рассматривая меня сквозь длинные загнутые ресницы.

— Я обещал всегда рассказывать тебе правду, так что отвечу. И да. И нет.

Я выдохнула и отстранилась.

— Что, черт возьми, это значит? Ты знаешь кто этот человек?

Он покачал головой.

— Я вовсе не важна и не знаменита. Чего бы им хотеть от меня? — я замолчала, вспомнив кое-что. — Письмо. Ты и Эндрю читали какое-то письмо в Сент-Бернадетт. Оно было адресовано... мне?

Он вздохнул.

— Нет.

Несколько минут я смотрела ему в глаза. Он не врал мне. *Что же тогда было в том письме?*

— Давай не будем думать об этом прямо сейчас, хорошо? У нас был замечательный день, давай не будем портить его, — его рука скользнула вниз по моей, и он переплел наши пальцы. — Пойдем со мной, *ma belle*.

Тепло разлилось по моему телу от этого нежного жеста. Мы подошли к дверям комнаты и, перед тем как войти, Ремингтон включил свет. Отпустив мою руку, он пошел направо к шкапам. Я повернулась и осмотрелась вокруг. Это помещение разительно отличалось от любой другой комнаты в этом доме. Одна светло-коричневая стена была покрыта пятнами краски разных цветов: синими, зелеными, красными. В дальнем конце комнаты стояла старинная кушетка, а возле нее стул. В другом конце комнаты я увидела мольберт, на столике возле него множество разнообразных кистей, баночки с красками и что-то похожее на угольные карандаши.

— На тебе слишком много одежды, чтобы позировать, Селена.

Он встал передо мной, протянул руку к верхней пуговице моей блузки и вопросительно посмотрел на меня. После моего кивка он медленно, одну за другой, расстегнул все пуговицы, спустил блузку с плеч, и она соскользнула на пол. Затем его рука опустилась ниже и замерла на поясе моих джинсов, но на сей раз он не колебался.

Несколько секунд спустя на мне осталось только белое кружевное белье. Он медленно осмотрел меня сверху донизу, задержавшись взглядом на груди. С трудом проглотил слюну и снова посмотрел мне в лицо. Зрачки его глаз были расширены и черны, такого страстного взгляда я не видела ни у одного мужчины, только у него. Взглядом я проследовала вниз по дорожке волос на его животе, и теперь задохнулась уже я, когда увидела огромную выпуклость на джинсах.

Вау, просто вау!

Когда я снова взглянула ему в глаза, он неотрывно смотрел на мой живот, на краешек татуировки, выглядывающий из-под трусиков. Я переступила с ноги на ногу, чувствуя себя обнаженной и слишком уязвимой. Он обезоруживающе улыбнулся, в уголках глаз образовались морщинки, и неожиданно я почувствовала себя храброй.

— У нас есть еще одна общая черта. Мы оба любим искусство, — сказал он с самодовольным видом.

Если бы он только знал! Я сделала эту татуировку вовсе не из любви к искусству, я пыталась спрятать за ней болезненные воспоминания.

— В самом деле? — переспросила я, чтобы скрыть боль, появившуюся в груди. — Какие же еще общие черты у нас есть?

— Мы умеем рассмешить друг друга, и сексуальное притяжение между нами просто зашкаливает.

Насчет этого он прав.

Чувствуя себя более уверенно, я завела руки за спину, дотянулась до застежки лифчика и замерла. Он кивнул, очевидно, понимая, почему я остановилась. Он хотел, чтобы я

полностью разделась. Я бросила лифчик на пол, затем запустила пальцы под резинку трусиков. Но Ремингтон положил руку поверх моей, останавливая меня.

— Позволь мне, — он опустил на колени, по пути стягивая мягкую материю вниз по ногам и покрывая мои бедра и ноги легкими поцелуями. Затем спустился еще ниже, и поцеловал пальчики на ногах. Снова посмотрел на татуировку, которая теперь была полностью видна.

Он прижался губами к пупку, скользя языком сначала по краю тату, а затем переместился к ее центру. Тяжело дыша, я опустила руки вниз и зарылась пальцами в его волосы, легонько потянув их. Когда он прикоснулся языком к шраму, я вздрогнула и плотно закрыла глаза. Я не хотела, чтобы он заметил, как эта ласка повлияла на меня.

Его рот дарил боль и наслаждение, убивал и воскрешал меня. Я пропала.

Отстранившись от меня, он встал на ноги, взял за руку и повел к старинной кушетке, оббитой красным бархатом. Я села на нее и неуверенно на него посмотрела.

— Ложись, — Беззаботный Ремингтон снова исчез. Передо мной стоял Ремингтон, который приводил меня в исступление во время нашего ужина. Контролирующий каждое движение.

— Как ты относишься к расширению границ допустимого, Селена?

Я нахмурилась.

— Границ?

Он провел костяшками пальцев вниз по моей щеке, в его глазах светилась нежность.

— Ты когда-нибудь делала что-нибудь, выходящее за рамки привычного?

Я понятия не имела, что он имеет в виду. Если он имел в виду секс, то мы с Джеймсом занимались только классическим сексом. В миссионерской позе или же он брал меня сзади.

— Если я сделаю что-то, что тебе не понравится, ты мне скажешь, хорошо?

Я кивнула и наблюдала, как он направился в сторону встроенных шкафов в правой части комнаты, предвкушение и желание бурлили внутри меня. А еще страх. Мысленно я вернулась к сегодняшнему инциденту и разговору между нами ранее. Положив голову на мягкую поверхность кушетки, я уставилась на квадратные плитки на потолке, пока мысли бешено скакали в моей голове.

— Селена? — я повернула голову набок и увидела Ремингтона с длинным красным шелковым шарфом в руках. — Куда ты убегала?

Я покачала головой и отпустила прикушенную зубами губу.

— Ты слишком много думаешь, а сейчас я не хочу, чтобы ты задумывалась о чем-либо. Я хочу, чтобы ты была здесь, со мной. Испытала это вместе со мной, хорошо?

Я тяжело вздохнула.

— Не уверена, что сегодня подходящий день, чтобы рисовать меня. Я слишком рассеянна.

— Ну, я как раз собираюсь позаботиться об этом.

Его плечи напряглись, когда он снова опустил на колени и сжал мои бедра.

— Разведи ноги в стороны, Селена.

— Что?

В ответ он просто вызывающе приподнял бровь.

— Я хочу убедиться, что единственное, о чем ты будешь думать сейчас, это ты, я и эта комната.

Его глаза еще больше потемнели, грудь поднималась и опадала из-за частых вдохов. Он

положил руки мне на бедра, одной ладонью скользнув между ними, а другой по животу. Мне очень нравится, что его так возбуждают мои полноватые бедра и далеко не плоский животик.

— Иисусе, ты такая красивая, откройся мне. Я умираю от желания трахнуть тебя прямо сейчас, Селена. Уверен, если возьму тебя, то не смогу остановиться пока мы оба не будем полностью измождены. Но даже тогда я буду хотеть быть в тебе всегда. А пока ограничусь тем, что буду трахать тебя языком и сделаю все возможное и невозможное, чтобы ты не забыла этого никогда. Разведи ножки, *ma belle*.

Как будто загипнотизированная его темным, полным желания взглядом, я задрожала и покорно раздвинула ноги. Его взгляд переключился на средоточие моих бедер, и в его горле зародился стон.

— *Vous êtes belle* (фр. Ты красивая), — пробормотал он, склоняя свою голову с темными волнистыми волосами между моих ног и прижимаясь губами к внутренней стороне бедра. Я ожидала прикосновение его губ к моей коже, но все равно возбудилась от их мягкости, от того, насколько интимным было само действие.

Все мысли растворились, и я сжалась в ожидании, пока его теплое дыхание ласкало меня. Его губы прижались к моей киске, он медленно целовал и лизал меня, до тех пор, пока я не начала извиваться на кушетке. Затем раздвинул пальцами складочки, продолжая лизать меня, цепляя языком особенно чувствительный комочек нервов. Я выгнула спину и застонала. Он заворчал, выражая явное удовлетворение и обхватив губами клитор, посасывал, чередуя быстрый и медленный темп. Затем проскользнул пальцем внутрь и продолжил работать языком. Я больше не могла выносить это.

— Ремингтон, я... я кончаю!

— Черт, Селена, я без ума от твоего вкуса, — его руки обхватили мою попку, притягивая еще ближе к его рту, продолжая свою пытку. Он одобрительно заворчал, и этот звук отозвался дрожью в моем клиторе.

— О, Боже! — оргазм был таким сильным, что я была не в состоянии сделать вдох. Я ощущала себя так, будто оседлала бесконечную волну удовольствия.

Когда я пришла в себя, Ремингтон лежал возле меня, опираясь локтем на кушетку и устроив голову на руке. Он наклонился и поцеловал меня. Ощувив свой вкус на его языке, я застонала.

— Вот теперь у тебя такой вид, который я хотел видеть, — он ласково провел костяшками пальцев по моему подбородку. — В следующий раз ты кончишь, когда мой член будет глубоко в тебе, *ma belle*.

Он поцеловал меня в губы, встал и, несколько секунд спустя, расположил меня на кушетке так, как ему хотелось. Мои пальцы жгло от желания прикоснуться к нему, и я поерзала, чувствуя, что горю, словно в огне. Когда я уже больше не могла выносить это, я вытащила руку из-под головы, схватилась за петли на его джинсах и дернула на себя. Я хотела его. Я хотела, чтобы его твердое тело плотно прижималось к моему, чтобы его горячая кожа обжигала мою.

Захваченный врасплох, он почти повалился на меня, но быстро выставил руки и уперся ими по обе стороны от моей головы.

— Позволь мне позаботиться о тебе, — я скользнула ладошкой вниз к выпуклости на его джинсах. Он втянул воздух и закрыл глаза, будто ему было больно. — Ну же, Ремингтон, всего пару минут.

— Проклятье, Селена. Если ты продолжишь делать это, я могу не сдержаться и буду трахать тебя, пока мы оба не потеряем сознание, — он впился в мой рот, пососал нижнюю губу и нежно прикусил ее. Затем прижался ко мне бедрами, посылая жар в средоточие моих бедер. Я только что испытала оргазм, но сейчас почувствовала, как во мне зарождается еще один.

— Да, вот так...

— Иисусе, — простонал он и грубо поцеловал меня. Затем отстранился, поправил джинсы на промежности и провел пальцем по внутренней стороне моего бедра.

— Сначала позволь мне нарисовать тебя, а затем я покажу, как прикасаться ко мне. Грубо, нежно, по-всякому, — это его «по-всякому» прозвучало так, будто это будет один из семи смертных грехов. И, черт возьми, я была в настроении согрешить.

— Это все ты виноват, — я надула губы.

Он удивленно приподнял темную бровь.

— Я виноват?

— Ну да. Ты неотразим и я хочу тебя. Не могу перестать думать о твоих поцелуях и о том, как это будет, когда мы, наконец... трахнемся.

— Мне нравится, когда ты произносишь это слово. Трахнемся.

Он снова взял шелковый шарф, завязал один конец на моей щиколотке, протянул ткань между ног, и она прикрыла холмик между бедрами. Один раз обернул шарф вокруг моей талии, прикрыл им грудь, а вторым концом обвязал запястья. Вытянувшись я лежала на кушетке, и блестящая ткань, прикрывавшая мое тело, отбрасывала дразнящие блики на кожу.

Он встал, чтобы посмотреть на дело своих рук, удовлетворенно хмыкнул, поцеловал меня в лоб и отошел.

Я ходила по подиуму почти обнаженная, позировала перед камерами, обернутая только в шаль, под которой ничего не было. Делала так много вещей, которые заставляли меня чувствовать себя полностью обнаженной.

Но никогда не ощущала себя так, как сейчас. Я чувствовала себя полностью открытой. Я лежала со всеми удобствами и наблюдала за Ремингтоном, который изучал меня взглядом, настолько не поддающимся описанию, что мне хотелось спрятаться. Черт, я не уверена в себе. Я знаю, что красивая. Я постаралась стать такой, какой была до брака с Джеймсом. Тем не менее, каким-то образом Ремингтону удалось сделать так, чтобы я почувствовала себя более чувственной, особенно когда его глаза смотрят туда, откуда выглядывает краешек моей татуировки.

— Прекрати ерзать, Селена.

Этот голос. Боже. Его тихое предупреждение хлестнуло меня как жидкий огонь, и я замерла. Мой взгляд прошелся от его босых ступней по мускулистым бедрам, затянутым в джинсы, к его лицу. Он сосредоточенно хмурил брови, весь его вид был очень деловым и строгим.

Несколько секунд спустя он быстро отошел в сторону, и вскоре из скрытых на потолке динамиков полилась печальная классическая музыка. Я повернула голову набок, пытаюсь найти Ремингтона. С легкостью подняв мольберт, он шел ко мне.

— Классическая музыка?

Он кивнул.

— Сергей Прокофьев. Нравится? — он махнул рукой в сторону потолка, имея в виду мелодию.

Когда музыка наполнила комнату, между нами повисло напряженное молчание. От сочетания жаркого взгляда Ремингтона и гармоничной мелодии все внутри завязалось в узел. Это самое эротичное, что я когда-либо делала, и я счастлива, что именно этот талантливый мужчина, который, кажется, идеален во всем, доводит меня до такого состояния.

Ремингтон

Я пытался взять себя в руки, старался контролировать себя, но был очень близок к срыву.

Одно неверное движение и все.

Я все еще чувствовал ее вкус на языке. Ее запах запечатлелся в моей голове, а тело настолько напряжено, что физически больно даже думать о потрясающе красивой обнаженной женщине, лежащей напротив меня на кушетке. До этого момента мне успешно удавалось бороться со страстью, с желанием сорвать с нее всю одежду, погрузиться в нее и трахать, пока она не будет выкрикивать мое имя. Пока ничто не перестанет владеть ее мыслями. Только я и ощущения, которые я дарю.

Я сильнее сжал кисть, когда меня начали терзать образы ее сладкого тела, изгибающегося подо мной, когда я вхожу в нее, наших синхронно двигающихся тел. Мое дыхание стало прерывистым. Член врезался в ткань джинсов, от охватившего меня желания потемнело в глазах. Кисть сломалась в руке, вырывая меня из фантазий. Я посмотрел на бесполезные куски дерева в моей руке и сжал челюсти.

Дьявол!

Я должен подчинить себе свое тело, пока не закончу рисовать. Если я подойду к ней в таком состоянии, то могу напугать ее. То, что я чувствовал, было очень пугающим, даже для меня. Не помню, чтобы я когда-то испытывал подобное. Я хочу ее во всех ипостасях. Хочу защищать от всех, чтобы никто больше не посмел обидеть ее. Хочу трахать ее, держать в своих руках, приковать к моей постели наручниками, чтобы она никогда не ушла.

Еще несколько минут, и я овладею ею. Я ни за что не позволю ей уйти от меня. Уйти из этого дома, пока не удовлетворю свой голод много-много раз. Пока ее тело не начнет изгибаться в моих руках. Пока я не заставлю ее кончить несколько раз подряд.

Эта мысль овладела мной и успокоила.

Когда я посмотрел туда, где лежала она — предмет моего вожделения — я заметил, что ее взгляд снова стал рассеянным. Она опять потерялась в своих мыслях. Похоже, мне предстоит потрудиться.

Я снова сосредоточил свое внимание на мольберте, поправил член в джинсах, затем взял новую кисть и улыбнулся.

Я принимаю вызов. Я сделаю все, чтобы стать единственным в ее мыслях, и черт меня подери, если я не добьюсь того, чтобы она думала обо мне всякий раз, когда будет прикасаться к себе.

Сегодняшней ночью она моя, как и каждый гребаный день в течение следующих трех месяцев.

Селена

Когда Ремингтон закончил рисовать, он развязал шарф, прикрыл мое обнаженное тело тонким пледом, а сам направился в ванную за углом, чтобы смыть краску. Вернулся только через десять минут, вытирая волосы полотенцем. Он направился ко мне — босой, без рубашки, одетый только в другую пару джинсов, плотно облегающих его бедра.

Бросил полотенце на столик и подошел к кушетке. Приподняв плед, расположился рядом со мной и накрыл мои губы в захватывающем душу поцелуе.

Он прервал поцелуй, чтобы посмотреть мне в глаза, скользнул ладонью по моему животу, почти невесомо поглаживая пальцами вокруг пупка.

— Тебе было интересно?

Я подвинулась ближе к нему, желая ощутить его кожу как можно ближе.

— Это было потрясающе. Ты когда-нибудь рисовал еще кого-то, кроме меня? Обнаженной, я имею в виду.

Его взгляд помрачнел, он отвел глаза и процедил сквозь зубы:

— Мать Адриана.

Зависть стрелой пронзила мою грудь при мысли, что он делал это с кем-то еще. Я покачала головой, но все равно испытывала не самые приятные ощущения.

Боже, Селена, естественно, у него была жизнь до того, как он встретил тебя.

Он снова посмотрел на меня своим пронзительным взглядом, приподнимая мой подбородок вверх.

— Но никогда так, как сейчас. Ты единственная, с кем это происходило именно так.

— Я смогу увидеть картину, когда она будет готова?

Он улыбнулся мне.

— Конечно.

Мы замолчали, я тем временем пыталась собраться с мыслями и спросить его о том, что случилось сегодня днем. Мне было любопытно узнать и о других вещах, касающихся мужчины, который сейчас обернулся вокруг меня, как теплый непробиваемый щит.

— Ты хорошо ладишь с Адрианом, и ты явно ему нравишься. Спасибо тебе за это.

Я улыбнулась, прижимаясь ближе к нему.

— Он чудесный малыш, его легко полюбить. Кроме того, у него хороший вкус.

Он глубоко вздохнул, и от его теплого дыхания зашевелились волоски у меня на затылке.

— Почему нет никого, кто влюблен в тебя? — размышлял он, возможно, не осознавая, что задал вопрос вслух.

Я пожала плечами.

— Иногда одной любви недостаточно. Часто люди только спустя годы совместной жизни понимают, что не получили от своего партнера то, что им было необходимо. Я не знаю.

Я прикусила нижнюю губу. Почему мне так легко откровенно беседовать с Ремингтоном? Это из-за того, как он обнимает меня? Или из-за того, что дарит все свое внимание мне, не отвлекаясь на другие вещи? Или, может, дело в его голосе? Я не знаю.

Знаю только, что могу с легкостью рассказывать ему обо всем.

— Мы с Джеймсом познакомились в начальной школе, так что мы выросли вместе в буквальном смысле этого слова. Я была полненькая, и другие дети постоянно смеялись надо мной из-за этого. Однажды появился Джеймс, как рыцарь на белом коне, и спас меня от издевательств. С тех пор, он стал частью «Команды Селены», — я рассмеялась, вспоминая, как гневно сверкали глаза Джеймса, когда он бросал вызов другим ребятам. — Благодаря ему и моей лучшей подруге Джене, учеба в школе, да и жизнь в целом, были вполне сносными. Мы поженились через два года после того, как я стала моделью. Мне тогда было двадцать один. Странно вдруг проснуться и понять, что человек, которого ты знал и любил всю свою жизнь, неожиданно стал совершенно чужим.

Ремингтон крепче прижал меня к себе и поцеловал мои волосы.

— Джеймс неплохой человек. Просто он хотел чего-то иного, того, что я не могла ему дать.

— Чего-то *иного*? — в его голосе слышалось непонимание.

— Мы знали друг друга много лет. Наверное, мне просто нечего было ему предложить. Не знаю. Любовь умерла, я полагаю, — я не собиралась рассказывать ему, что Джеймс нашел свою любовь в объятиях другой женщины. Мне даже думать об этом было слишком стыдно.

Он перевернул меня на спину, обхватив ладонями мое лицо.

— Любовь — это теория. Я верю, что... любовь не может умереть. У тебя есть что предложить. Я чувствую себя счастливым, когда открываю каждую новую крошечную частичку тебя.

Он поцеловал меня, проскальзывая языком в мой рот. Поцелуем он передавал мне свои чувства. Я почувствовала, как его член упирается мне в бедро, затем он легко раздвинул ногой мои бедра и втиснулся между ними. Он целовал меня в шею, посасывая и покусывая ее. Из его груди вырвалось рычание и внутри меня все затрепетало.

— Мне понравилось то, что ты вытворял своими руками и языком. Разве это не должно быть запрещено в каждой стране мира? Это было фантастически.

— Не во Франции. Это страна любви, и, несомненно, секса. Плюс у меня патент на него. Разве ты не рада, что ты во Франции? — поддразнил он.

Я рассмеялась, и когда наши взгляды встретились, поддразнивание резко оборвалось. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. Я поняла, что он часто смотрит на меня именно так. Я разнервничалась от этого взгляда, поэтому подняла руку и притянула за шею к себе, оставляя дорожку поцелуев на его подбородке, второй рукой скользнула вниз по его животу между нашими телами. Мне никогда не надоест касаться его. Его рука накрыла мою, и потянула еще ниже, к огромной выпуклости на джинсах. Я начала водить по ней рукой вверх-вниз. Он отстранился, отбросил плед в сторону, и приподнялся на локтях так, что ни одна из частей его тела не касалась меня.

— Расстегни мои джинсы и вытащи его.

Я сделала, как он сказал и... О. Мой. Бог! Он был большой и твердый. Я робко провела ладонью по всей длине, наслаждаясь шелковистостью его кожи.

— Ты чудесный на ощупь, — прошептала я и взглянула на его лицо. Ремингтон неотрывно смотрел на мои руки, поглаживающие его член. Его дыхание было прерывистым, на шее вздулись вены.

Хм... Посмотрим, как долго он сможет контролировать себя.

Моя рука скользнула еще ниже, к основанию члена, и мягко сжала.

Он выругался по-французски несколько раз, но тем не менее не прижался ко мне.

— Вытащи презерватив из заднего кармана, — прорычал он.

Я быстро сделала так, как он просил. Затем, не дожидаясь дальнейших указаний, разорвала обертку и натянула презерватив на его напряженный член, после чего стянула джинсы вниз по его бедрам. Ремингтон одним движением сбросил их с ног.

— Разведи ноги для меня, Селена.

И мои ноги послушно раздвинулись. Он вклинился между ними, схватил меня за ноги и поместил их по обе стороны своих бедер. Он смотрел мне в глаза, пока направлял свой член к моему входу, и мой пульс участился в два раза, эхом отдаваясь в ушах. Дыхание стало прерывистым, я приподняла попу над кушеткой, желая почувствовать его.

Он не отрывал от меня взгляда, пока медленно входил в меня, сантиметр за сантиметром. Пот струился по его лбу, выдавая, как много усилий он прикладывал, чтобы не ворваться в меня одним рывком. Наконец он полностью погрузился в меня и застонал. Я вскрикнула, когда крошечные уколы боли разбежались по моей киске. Он *огромный*. Я судорожно искала, за что бы схватиться и мне удалось найти руку Ремингтона, в которую я вцепилась изо всех сил.

Ох, Боже, я готова взорваться. Так много ощущений... Я извивалась и стонала, приподнимая бедра в стремлении ощутить его глубже в себе. Его хватка на моем теле усилилась, предупреждая.

— Не шевелись, — резко сказал он; челюсть напряжена, глаза закрыты, как будто ему очень больно.

Прошло несколько секунд. Единственным звуком, раздававшимся в комнате, были наши судорожные вздохи и громкое биение моего сердца. Неожиданно, я напряглась, вспомнив, что в доме есть ребенок.

— Адриан, — прошептала я, не желая, чтобы мой голос разнесся по комнате.

Ремингтон медленно открыл глаза, светящиеся желанием.

— Он не проснется до утра, — он крепче вцепился в мои бедра, и начал лениво двигаться. — Ты так хорошо ощущаешься, Селена. Твое тело — моя слабость, *ma belle*. Я никак не могу насытиться тобой. Хочу до упора наполнять тебя своим членом. Смотри, Селена. Просто посмотри, как идеально мы соответствуем друг другу.

Его голос был грубым, диким. Внушал благоговение. Я была поражена. Ремингтон внутри меня превзошел все мои ожидания: он волновал меня и совершал такие движения, от которых мое тело выгибалось, моля о большем. Он переключил все свое внимание на то место, где наши тела соединялись. Улыбка, полная мужского превосходства, появилась на его лице, когда он в очередной раз погрузился в меня. Я задрожала в ответ на этот взгляд. Я сделала это. Добилась появления выражения животной страсти на его лице. Его бедра ритмично двигались, проникновения были яростными. Целенаправленными.

Когда он снова посмотрел на меня, выражение его лица изменилось, и я поняла, что он не продержится долго. Мне хотелось доставить ему удовольствие, заставить его почувствовать себя так же хорошо, как чувствовала себя я, когда он ласкал меня ртом.

Он резко толкнулся вглубь меня.

— Прекрати думать, Селена, — проскрежетал он, — я хочу, чтобы ты была здесь со мной. Сделай это для меня, и ты не пожалеешь, хорошо?

Я кивнула.

Он вышел из меня и взял в руку свой член, поглаживая его.

Черт, как это сексуально.

Ремингтон сел на край кушетки, схватил меня за щиколотку и потянул к себе, посадил себе на колени так, что моя спина прижалась к его груди. Сжал мои бедра в своих больших сильных руках, я приподнялась на цыпочки, и он насадил меня на свой член. Мы одновременно застонали, когда он полностью вошел в меня. Боже, как хорошо это ощущалось. Одна сильная рука обхватила мою талию, крепко прижимая к себе, другая потянулась к моей груди, сжимая ее, а затем он потянул за сосок. Острая боль прострелила молнией и отозвалась приятной сладкой болью там, где его член наполнял меня. Он проделал то же самое с другой грудью, и я задрожала, застонав. Я почувствовала его губы на своей спине, он поцеловал меня, перед тем как начать медленно двигаться. Затем его проникновения стали более сильными, и я облокотилась на него, принимая его яростные толчки. Он прикусывал мою кожу, затем ласкал места укусов, целуя меня. Это была приятная боль. Единственная боль, смешанная с удовольствием. Если бы только такие моменты могли продолжаться вечно. Но рано или поздно, это ощущение, этот момент заканчивается. Красивая боль, и, черт возьми, мне она нравилась. Это был дикий, безудержный секс.

Он двигал бедрами, вынуждая меня стонать и хныкать. Моя спина выгнулась дугой, отрываясь от его груди, но он быстро притянул меня обратно к себе, прижимаясь тазом к моей попе.

— Ты так хорош, Ремингтон. Такой большой. Еще. Я хочу еще. Дай мне еще, — в отчаянии сказала я.

— Тебе нравится, когда тебя трахают жестко, *ma belle*? Ответь мне, Селена. Я хочу услышать, как ты говоришь это.

Я кивнула, так как не могла выразить словами, чего действительно хочу. Для меня все это было в новинку, и я смущалась даже произносить такие слова.

Он продолжал мучительно медленно двигать бедрами, обжигая своим горячим дыханием, когда скользнул губами по раковине моего ушка и больно прикусил мочку.

— Скажи. Это, — прорычал он.

— Мне нравится, — слова слетели с моих губ. — Да, я хочу, чтобы ты трахнул меня жестко.

Он выразил свое одобрение рычанием. Его рука соскользнула с талии, он грубо ласкал мое тело пальцами, помечая свою территорию, исследуя изгибы и мягкие выпуклости каждой части тела. Его пальцы двинулись вниз и нежно раздвинули складочки, другую руку он убрал с груди и схватил меня за подбородок, поворачивая мое лицо к своему. Его рот обрушился на мой, сминая губы и глубоко проникая языком в мой рот. Я жадно принимала его ласки, желая еще и еще.

— Черт подери, ты приворожила меня, Селена. Я не могу дождаться, чтобы брать тебя снова и снова, потому что для меня одного раза недостаточно.

Его рука отпустила мое лицо, и он обхватил мою талию обеими руками, резко дернув меня на себя. Его движения становились яростнее, с губ срывались все более пошлые слова, я становилась все мокрее. Он еще плотнее прижал меня к себе, и я почувствовала, что близка к финалу. Закрывает глаза и растворялась в ощущениях, в запахе секса, окружающем нас, в крепком теле Ремингтона, в столах и словах, срывающихся с его языка. Он довольно красноречивый мужчина.

Он неистово вдавливался в меня, полностью погружаясь. Один раз. Второй. Его тело напряглось, и он прижался ртом к моей спине, чтобы заглушить крик. Я чувствовала, как он дрожал внутри меня. Мы цеплялись друг за друга, пока наши тела дрожали от эмоций после секса. Я улыбнулась. Вот теперь это был отличный секс. Теперь во фразе «перевернуть мир» для меня кроется новый смысл.

Он держал меня в своих объятиях, пока мы оба приходили в себя после нашего оргазма, а затем уложил на кушетку. Взял плед оттуда, куда тот был отброшен, и накрыл им меня, перед тем как выйти из меня. Сняв презерватив, Ремингтон снова ушел в ванную, чтобы выбросить его. Вернулся несколько минут спустя и проскользнул ко мне под плед. Он притянул меня к себе, повторяя мою позу, уткнулся в изгиб моей шеи, и вздохнул.

Боже мой, этот звук. Если бы можно было описать его, я бы сказала, что это тысяча невысказанных слов, выраженных одним хриплым вздохом.

Звук дверного звонка вырвал нас из нашего маленького пузыря. Ремингтон нахмурился, потрянул рукой и бросил взгляд на часы на запястье, после чего медленно отодвинулся от моего тела. Схватил с пола свои джинсы и натянул их. Я задрожала, уже скучая по его теплоте, и поплотнее укуталась в плед.

— Уже почти десять вечера. Кто может прийти с визитом в такой час? — пробормотал он, когда выходил из комнаты, чтобы посмотреть, кто звонит.

Я уронила голову на мягкий бархат кушетки, вспоминая последние два часа, и улыбнулась как идиотка. Боже, быть с Ремингтоном это совершенно другой уровень развлечений. Мое сердце сжалось, когда я подумала о нем. Отличный отец и любовник, и что я узнала совсем недавно, измученный мужчина.

Я потянулась, повернулась и посмотрела на дверь, желая, чтобы он скорее вернулся ко мне. Когда я прождала достаточно, а его все не было, я обернулась пледом и отправилась на его поиски. Он стоял в коридоре спиной ко мне, склонив голову, мышцы его плеч были сильно напряжены. Дыхание хриплое и прерывистое, одна рука, сжатая в кулак плотно прижата к боку.

Сердце упало в пятки, когда я подошла ближе, краем глаза заметив в его руках белый лист бумаги.

— Ремингтон?

Он резко обернулся — глаза широко раскрыты, подбородок напряжен. В глазах сверкает гнев. Мой взгляд опустился на его руку и меня затошнило. Он отдернул руку, когда я шагнула к нему, чтобы прочитать, что написано в письме.

— Ремингтон? — я снова позвала его. — Мне нужно знать, что в этом письме.

Он продолжал смотреть на меня, в его глазах я видела неуверенность, гнев и решимость. Впрочем, я тоже не пошевелилась. Я вцепилась в плед и тоже посмотрела на него.

Наконец, он выдохнул, провел рукой по волосам и затем протянул листок мне. Я старалась не улыбаться, когда брала письмо из его рук. Затем я застыла.

Меня вот-вот вырвет. Или я упаду в обморок.

Но не случилось ни того, ни другого.

Я часто дышала, всматриваясь в буквы, вырезанные из газет, и перечитывала слова на французском языке.

Ты думаешь, что сможешь вернуть жену, используя женщину, которая похожа на нее?

Подумай еще раз, Ремингтон. Избавься от нее, или ты пожалеешь.

Я моргнула, подняла голову и изо всех сил пыталась не дать боли и страху, разрастающимся в груди, задушить меня.

— Это правда? — обреченно прошептала я. — Я нравлюсь тебе, потому что напоминаю *ее*?

Он энергично замотал головой и протянул ко мне руки в отчаянной мольбе.

— Селена, послушай. Все не совсем так, — он замолчал и тяжело вздохнул. — Помнишь первый раз, когда я увидел тебя в отеле? Я был в замешательстве, мне было больно, я был зол. Но ты не та женщина. Ты не *она*, — последнее предложение он произнес шепотом.

Мой мозг усиленно работал, пытаюсь связать все воедино.

— То, что произошло днем, как-то связано с этим письмом?

— Жиль полагает, что да.

Я покачала головой.

— Кто бы ни был этот человек, он или она не сдастся. Если я останусь... Боже, Ремингтон, если что-нибудь случится с тобой или Адрианом, я никогда себе этого не прощу.

Что если человек, приславший письмо, следит за домом, выжидая? Борьба или бегство? Ответ пришел мгновенно. Если это делает меня эгоистичной, пусть так и будет, но они будут в *безопасности*.

— Я должна уйти, — я уронила письмо на его ладонь, развернулась и пошла обратно в студию. Все внутри сжималось от боли из-за того, что я только что узнала, и от страха, что может случиться с ним или Адрианом, если я останусь.

После того как я оделась, я поспешила обратно в гостиную в поисках своей сумочки.

— Она в моей комнате, — тихо сообщил Ремингтон. — Пожалуйста, выслушай меня, Селена. Это не впервые, когда этот человек, кем бы он ни был, присылает мне письма. Скорее всего, он шлет их, чтобы запугать меня.

Это привлекло мое внимание. Я вытерла рукой свое заплаканное лицо, недоумевая, почему же так больно. Мы с Ремингтоном знакомы не так уж долго, но все равно, черт подери, больно. Двумя большими шагами он сократил расстояние между нами, обхватил своими большими ладонями мое лицо, и его измученный взгляд встретился с моим.

— Что ты имеешь в виду под «не впервые»?

Он прикоснулся губами к моим щекам, поцелуями стирая слезы.

— Всякий раз, когда я пытаюсь начать отношения с женщиной, начинали приходить послания. Обычно это смски, а теперь вот письма.

— А эти женщины, ну, знаешь... похожи на твою жену?

Он смотрел на меня чуть дольше, чем требовалось, а затем убрал руки от моего лица и покачал головой.

Мои плечи слегка расслабились.

— Что с ними случилось?

Он колебался с ответом.

— Я прекращал контактировать с ними, когда угрозы становились серьезными.

Я выпрямилась, рукой вытирая свое мокрое лицо.

— Я не могу остаться здесь, Ремингтон. Кто бы ни был этот человек... я не могу подвергать тебя или Адриана опасности. Мне следует уйти сейчас, — я сделала несколько шагов к двери, но он неожиданно оказался прямо передо мной, перекрывая мне дорогу.

— Нет.

— Нет? Это мое решение, Ремингтон. Я уйду, — я остановилась, чтобы обдумать, на

чем уехать отсюда, затем посмотрела на него. — Я могу вызвать такси?

— Ты... не... уходишь, Селена! — он схватил меня за руки и притянул к своей груди. — Ты не можешь уйти.

— Не делай этого, Ремингтон. У тебя есть сын, о котором ты должен заботиться. Ты знаешь меня недостаточно хорошо, чтобы так рисковать.

— Я знаю тебя достаточно, чтобы защитить любым доступным мне способом.

Я затихла, оглушенная этим заявлением.

— Ты заканчивал отношения с теми женщинами. Я хочу, чтобы сейчас ты сделал то же самое. Пожалуйста, пожалуйста, Ремингтон, — я взяла его лицо в свои ладони, прижалась своим лбом к его. Лицо, которое скрывало шрамы, находящиеся гораздо глубже, чем вены, по которым текла кровь.

— Ты не те другие женщины. И я ничего не заканчиваю.

Я поднялась на цыпочки и прижалась губами к его губам, но он быстро углубил поцелуй, крепко обнимая меня руками.

— Я не буду рисковать вами двумя, — я отстранилась и пошла к двери. — Не мог бы ты попроситься за меня с Адрианом?

— Подожди!

Я остановилась и посмотрела через плечо, мое сердце разрывалось, когда я увидела поражение в его глазах.

— Я позвоню Жилю и он отвезет тебя в отель, — он взял свой телефон со стола и начал набирать номер, пока поднимался вверх. Он вернулся спустя несколько минут с моей сумочкой. — Можешь сделать одолжение? Позвони мне, пожалуйста, когда будешь у себя в номере, хорошо?

Я кивнула и протянула руку за сумочкой.

Через несколько минут приехал Жиль. Я, не оглядываясь, села в машину. Когда машина тронулась и отъехала с подъездной аллеи, я, наконец-то, обернулась, посмотрела в окно и увидела Ремингтона. Он стоял на дорожке перед домом, его плечи были опущены. Я помахала рукой. Он помахал в ответ, расправил плечи, на его лице застыла решимость.

Я отвернулась, мои глаза заволокло слезами, тело было тяжелым как свинец. Все шло так хорошо, пока какой-то сумасшедший не ворвался в мою жизнь. И это чертово письмо.

Какая же я глупая, как и мое сумасшедшее сердце.

Я чувствую полное опустошение, но справлюсь с этим. Я не так уж долго знаю Ремингтона. Я преодолею это. Просто должна. Продолжу жить без него. *Уже проходила через это раньше.*

Но почему тогда мне кажется, что я оставила частичку души в этом доме?

Продолжение следует...

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net